

ВТОРЫЕ
ЧЕЧУЛИНСКИЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ

МБУК «Централизованная библиотечная система»
Асбестовского городского округа

Свердловская областная универсальная научная
библиотека им. В. Г. Белинского

Рефтинское объединение родоведов и краеведов

ВТОРЫЕ ЧЕЧУМИНСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы областной краеведческой конференции
Асбест, 19 сентября 2019 года

Асбест
2019

ББК 63.3

П 26

Составитель
Литвинова Н. С.

Вторые Чечулинские краеведческие чтения : материалы обл. краевед.
конф. (Асбест, 19 сент. 2019 г.) / МБУК «ЦБС» Асбест. гор. окр.;
Центр. гор. б-ка им. А. И. Чечулина; Информ.-библиограф. отд.;
сост. Н. С. Литвинова; отв. за вып. Н. В. Спицына. – Асбест, 2019. - 78 с.

От составителей

В сборнике представлены материалы Вторых Чечулинских краеведческих чтений, проходивших 19 сентября 2019 года на базе Центральной городской библиотеки им. А. И. Чечулина Асбестовского городского округа совместно с Свердловской областной универсальной научной библиотекой им. В. Г. Белинского и Рефтинским объединением родоведов и краеведов.

В рамках конференции состоялось торжественное открытие Вторых Чечулинских чтений. На конференции было рассмотрено творчество поэта, журналиста, Почетного гражданина города Асбеста Алексея Ивановича Чечулина с родоведческой точки зрения, а также исследование биографии писательницы Маргариты Викторовны Лукашевич (Имшенецкой), в произведении которой упоминаются Рефтинские золотые прииски. Краеведы Рефтинского объединения родоведов и краеведов познакомили со своими новыми краеведческими открытиями. С творчеством самобытной художницы Нины Варфоломеевой, проживавшей в Асбесте во второй половине XX столетия, познакомила педагог художественной школы. Опыт по продвижению большой литературы и местного литературного творчества, сбором генеалогической информации, сотрудничеством с Государственным архивом Свердловской области, продвижением краеведческой продукции поделились библиотеки области. Кроме того, на конференции были проанализированы связи образов и уральских сказов Павла Петровича Бажова с историческими событиями территории, народными преданиями, фольклором и мифами прошлого.

Материалы сборника опубликованы в авторской редакции и расположены в порядке выступления участников конференции.

Сборник включает в себя материалы конференции, сведения об авторах, список сокращений, встречающихся в статьях.

Данное издание будет интересно для историков, краеведов, библиотечных работников, а также для всех интересующихся историей и культурой своей малой родины и Урала.

Сведения об авторах

Бархатова Нина Алексеевна, действительный член Уральского историко-родословного общества, член историко-родословного общества (г. Москва), член Уральского церковного-исторического общества, член Рефтинского объединения родоведов и краеведов (п. Рефтинский).

Жиганова Анна Владимировна, искусствовед, преподаватель истории искусств высшей категории Асбестовской детской художественной школы, Асбестовского колледжа искусств, член Международного союза педагогов-художников (г. Асбест).

Копырин Александр Леонидович, краевед, действительный член Уральского историко-родословного общества, член Рефтинского объединения родоведов и краеведов, член городского общества краеведов (г. Асбест).

Макарова Ольга Юрьевна, научный сотрудник Сысертского краеведческого музея (г. Сысерть).

Пермякова Нина Николаевна, заведующая информационным сектором библиотеки № 17 МБУК «Централизованная библиотечная система» (г. Каменск-Уральский).

Рубцов Владимир Николаевич, действительный член Уральского историко-родословного общества, член Рефтинского объединения родоведов и краеведов, директора музея ОАО «УралАТИ» (г. Асбест).

Сарабанская Людмила Анатольевна, заведующая библиотекой № 17 МБУК «Централизованная библиотечная система», член УИРО (г. Каменск-Уральский).

Сухарев Юрий Михайлович, председатель Рефтинского объединения родоведов и краеведов, действительный член Уральского историко-родословного общества, член Уральского церковно-исторического общества (п. Рефтинский).

Тарасова Ольга Леонидовна, заведующая методико-библиографическим отделом Центральной городской библиотеки МБУК ЦБС (г. Березовский).

Тебелева Анна Константиновна, библиотекарь отдела обслуживания ЦГБ им. А. И. Чечулина (г. Асбест).

Чечвий Татьяна Степановна, главный библиотекарь методико-библиографического отдела Центральной городской библиотеки МБУК «Централизованная библиотечная система» (г. Берёзовский).

Н. А. Бархатова
Кровные связи с Отечеством
в творчестве А. И. Чечулина

Рассматривается творчество поэта, писателя, журналиста Алексея Ивановича Чечулина периода 1970-1980-х гг. с родоведческой точки зрения.

Всякая благородная личность глубоко сознает кровное родство, свои кровные связи с Отечеством.

В. Г. Белинский

Кто мы в этом безбрежном, затерянном в космосе?

Алексей Чечулин

Алексей Иванович Чечулин - поэт, журналист, писатель, в свое время – член Союза писателей СССР, член КПСС, Почетный гражданин г. Асбеста, оставил своим потомкам, родному городу Асбесту, Отечеству неоценимый клад своего высокопатриотического творчества, чистой, как родник, возвышенной любви ко всему окружающему его миру.

На II-х Чечулинских чтениях представляю понимание творчества Алексея Ивановича с точки зрения родоведа. Более двадцати лет занимаюсь наукой генеалогией, т.е. наукой о родстве вообще и о кровном родстве в частности.

Конечно, я не могла охватить все творчество Алексея Ивановича, взяла период 70-е-80-е годы прошлого столетия. Это было удивительное время! Его почему-то называют застойным. Но не было никакого застоя. Именно в эти годы вырвалось наружу с огромным напором самосознание русского человека. Об этом громко заявили писатели, получившие звание «деревенщики»: Василий Белов, Федор Абрамов, Валентин Распутин, Василий Шукшин, Михаил Носов, Георгий Марков, Петр Проскурин, А. Иванов и другие; режиссеры кино: Элем Климов, Эльдар Рязанов, Андрей Тарковский, Сергей Бондарчук, Марлен Хуциев, Андрей Кончаловский; художники: мощно – Илья Глазунов, Савва Ямщиков; композиторы: великий Георгий Свиридов...

Все громче стали говорить о наших русских проблемах, о наших русских традициях в семье и Отечестве, о нашей высокой духовной культуре, которой мы были лишены больше, чем полвека. О культуре

не классовой и не партийной. Писатель Валентин Распутин назвал это время «Кем больную душу народа, выпавшую из вековечного гнезда и в страдании ищущую торопливо, как в гнездо вернуться». Профессор и академик РАЕН Георгий Иванович Кушцын, работавший в свое время в ЦК КПСС, называет обозначенное мной время как «ренессанс в русской культуре». Я бы назвала то время «русской мечтой». Именно в то уникальное время просыпается всеохватывающий интерес к истории своего русского народа. Началась атака на архивы, как столичные, так и провинциальные. Стали образовываться генеалогические, родоведческие общества по всей России: Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Пермь, Екатеринбург (УГО и УИРО), Красноярск, Новосибирск, Мурманск, Еврейское ГО в Москве, Армянское РО, Кабардино-Балкарское, Ингушское, Дагестанское, Приамурское и т. д. Буквально за короткий срок образовалось более 50 родоведческих обществ, а сейчас много больше.

В это же самое время махрово расцвела русофобия, что продолжается и до сих пор. Тогда был запущен термин «малая родина». Люди, не знающие подвоха, употребляют этот термин, умиляясь: «Моя малая родина», пока умилялись исчезли деревни, поселки, исчезла родина, потому что стала для человека Малая.

1985 год. Выходит в свет книга А. И. Чечулина «Асбест», где он пишет (с возмущением): «Малая родина! Какая она малая, если вмещает столько любви, тревог, судеб!» У меня была великая радость: мы с Алексеем Ивановичем давно единомышленники! Далее он восторженно пишет «Из таких Асбестов и Белоярок состоит Россия. Такая немислимо огромная, что выдохнешь ее имя - дыханием ослабеешь и сердце займется. И, чудится, десятилетий не хватит, чтобы о том рассказать». Сыновью любовь к родному Асбесту Алексей Иванович обратил на все города и веси, в которых бывал, и все от того, что его родина Асбест не была никогда малой!

В 70-е-80-е годы, наполненные русской мечтой, в полную силу раскрывается талант молодого, энергичного Алексея Ивановича Чечулина. У него особый дар чувствовать и понимать время, состояние, окружающих его людей. Он выразил это в стихах:

Гармошка затихает. Навсегда?

А я не верю в это как ребенок.

Да что ребенок, нынче он с пеленок
С магнитофоном не разлей вода.

Когда умолкли дальние басы –
Закончились весёлые вечёрки.
Сдается мне, что русские девчонки
Внезапно поубавили красы.

Не призываю слёзы лить о том
Посконною не мучаюсь тоскою.
И тоже принимаю жизнь такую...
Но музыка-то, музыка при чём? [3, с. 21.]

«Песня»

И смеется, и грустит, и плачет
Вечерами русская гармонь.
Невзначай судьбу переиначит,
Бросит сердце в омут и огонь... [3, с. 41]

«Ода воробью»

Хвалу вам, соловьи, и я пою,
Кто не оценит вашего усердства!
Но с каждым годом все теплее сердце
К незнаменитой птахе воробью.

Он, серый, голодает целый век,
Бесстрашно холодает временами.
И с кошками знаком и, между нами,
Живёт как настоящий человек.

Все вытерпев и все презрев угрозы,
Не изменяет родине своей
Послушай, как он звонок меж ветвей
Знак подает, что кончились морозы. [3, с. 111].

Вот это как раз Русская Мечта! – знак даёт, что кончились морозы.
Понятно, о чём звонко пел простой воробей!

«Дворняга»

Достойней иная дворняга
Породистой шавки любой,
Хотя и не знает, бродяга,
Своей родословной, но в бой
Бросается – жизни не жалко, -
Обидчик получит своё.
И тут уж ни корму, ни палке
Душа не подвластна её.
Да вот, посмотрите, осанка,
Другой такой век не сыскать!

Дворняга несет, как дворянка,
Мехов золотистую статью.
И с завистью пучатся мопсы

Из самых роскошных квартир,
Уж им никогда не придётся
Так вольно обнюхивать мир. [1, с. 42].

О нашем достоинстве – русская мечта.

В год столетия города Асбеста, А. И. Чечулин подарил родному городу лучшую свою прозу – книгу «Асбест». Эта проза в стихах о всеобъемлющей сыновьей любви к своей семье, к родителям – великим труженикам, родивших пятерых достойных сыновей, к поселку у Талицкого озера, ко всему горняцкому люду с его подвигами и горестями. «Далёкие, безвозвратные годы. Нет Талицкого посёлка, а озеро, именем которого он назывался, завалили отвалом, затем сюда подошёл карьер и вычерпал ковшами и отвал, а наши каютки, и старые тополя, под которыми узнал я вечерние слезы, выступившие не от боли, а потому что живёшь на свете, кому-то нужен и тебе нужны другие люди, как нужен и этот с детства родной карьер, не будь которого, и судьбы бы сложились иначе, и этот камень с серебристой начинкой, ради которого жили и умирали и мои родичи, и все те, кто также накрепко привязан к здешним местам.

...Помню – чувствовал под сердцем землю, родившую зелёные тополя, студёное озеро, мать мою тихую и беззаветную труженицу, воспитавшую пятерых сынов и пережившую двух из них...

...Земля наша была для нас, останется и память. А будут ли помнить о нас потомки, если мы забудем тех, кто раньше жил вот у этих карьеров, и неторопливого Рефта, что бежит и тысячи лет назад, подмывая пологие берега?

Так и запала думка: пока горячо, пока свежо в голове, записать без лукавства и прошлую, и нынешнюю жизнь. Без связи с прошлым цепь разрывается. По себе сужу. Горько, но раньше своими корнями не интересовался, а любопытствовал – знающих не оказалось, собрал материал только о дедах и прадедах, но ведь и у них были свои деды и прадеды, те кто перебрались на Урал из центральных губерний России. Кто они? Какими были? Мучительно и больно задавать вопросы, на которые не сыскать ответов».

Ответы есть. В 2000 году опубликован большой труд историка, профессора А. Г. Мосина «Уральские фамилии». Горестно сознавать, что Алексей Иванович Чечулин рано ушел, в 1995 году в мир иной, в пору расцвета своих творческих сил и не узнал, что в далекой Архангельской губернии жили Чечулины. При заселении Урала русскими в XVII веке в 1680 году на реке Синячихе Чечулины образовали деревню Чечулину – два двора, где в которых жили Иван Иванович Чечулин с братом Иваном и Иван Васильевич Чечулин – сын Василия Фомича Чечулина из деревни Верхний Яр. В Каменском районе позже тоже была деревня Чечулина, и еще Чечулины жили в деревне Мосиной, т. е. Чечулины могли быть родственниками профессора А. Г. Мосина. Уверена, если бы Алексей Чечулин жил в наше время, он стал бы членом УИРО и членом РОР и К.

С сыновьей нежностью, огромным уважением поведал нам Алексей Иванович Чечулин в книге «Асбест» об истории города, его замечательных людях, об их бедах и радостях, об их счастье послужить родине. В последней статье книги он сетует, что «не все мысли выплеснул, буйствовали в голове, и много осталось в тайниках души». И ясно прослеживается, что мечта написать родоведческую книгу, в которой мог бы рассказать о старших братьях, которые пришли в карьер мальчишками в начале войны, как 13-летний Семен, машинист экскаватора, в ночную смену убежал из забоя, «когда произошла

неведомая ему поломка машины, забрался на палаты нашей каютки в Талицком посёлке, и мастер, суровый мужик преклонных лет, стаскивал его разноцветные валенки (один черный, другой серый) и грозил судом, а затем целовал его в макушку и вместе плакал».

Хотел рассказать и о наградах – медалях своего отца Ивана Семеновича и братьев. «Хотелось бы больше рассказать о моей маме, еще до войны, работавшей отбойщицей в карьере Центрального рудника. После смены приходила она в казарму на улице Шахтерской, а там дети – сначала двое, затем трое, четверо, пятеро. И она, Наталья Артемьевна, через все трудности прошла, все преодолела».

Печально, что Алексей Чечулин не успел написать родоведческую книгу, но может быть все-таки кто-нибудь возьмется написать книгу о нем по теме «Жизнь замечательных людей».

Хочу добавить о завещании, которое оставил поэт, писатель, журналист, сын, отец Алексей Чечулин: о чем надо всегда помнить: «Куда бы и насколько не забросила судьба, дня не проходило, чтобы не вздрогнуло сердце при мысли о родном Урале, сирени на Садовой, 12, матери, закутанной в платок...

Хочу, чтобы и дети поняли это, когда вырастут, чтобы их души терзались теми же думами, что и моя. И пусть будет для них этот край... землёй, на которой хорошо работается и легко дышится, потому что за это право уже заплачено нашей фамилией, дальними и близкими родственниками, лежащими на погосте. И мы должны платить за право жить на ней».

Это и есть настоящее кровное родство Алексея Чечулина с Отечеством!

«Заговоры»

За Турой, за Камой, за Тоболом
Следую я, лебедь, за тобою.
Следую, как жажда за водою,
Как за путеводною звездою.
Слушай, зачарованная птица,
Прежде чем в тумане раствориться, -
Хоть поверье это и старо, -
Оброни неслышное перо.

Подарю любимой, но не любящей,
Чуждого да пришлого голубящей,
Чтоб она по нынешней весне
Вдруг затосковала обо мне.
Так затосковала, что невмочь,
Чтоб ей было некому помочь,
Чтоб она вослед пошла за мной,
Как за путеводною звездой.
Как теперь хожу я за тобою
За Турой,
За Камой, За Тоболом.

Источники

1. Мосин А. Г. Уральские фамилии / А. Г. Мосин. – Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 2000.
2. Сергеев М. Души прекрасные порывы / М. Сергеев. – М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1968.
3. Чечулин А. Асбест / А. Чечулин - Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1985. – (Города нашего края).
4. Чечулин А. Возраст памяти: стихи / А. Чечулин. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1987.
5. Чечулин А. День прибытия: стихи / А. Чечулин. – М.: Современник, 1979. – (Первая книга в столице).
6. Чечулин А. Самоцветы для Парижа: повесть / А. Чечулин. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1989.
7. Чечулин А. Ясногорье: стихи / А. Чечулин. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1987. - (Новая книга молодого уральского поэта).
8. Члены Российских генеалогических обществ: справочник. – М.: Старая Басманная, 2009.

В. Н. Рубцов

По следам предков: хроника событий с 1700 до 1885 г.

Рассматриваются исторические события, прошедшие в XVIII-XIX вв. на территории современного Асбестовского городского округа и близлежащих поселков, до открытия Баженовского месторождения хризотил-асбеста в 1885 году. Выступление сопровождалось показом презентации.

История нашего края со времени открытия Баженовского месторождения асбеста в 1885 году описана давно и подробно. А что было до этого? «Среди нетронутой вековой тайги и непроходимых болот...» - так обычно начинают повествование об открытии месторождения. Между тем территория, на которой это произошло, была не такой уж и глухой.

Рис. 1. Перед вами одна из первых карт нашего района. На карте Ремезова в «Чертёжной книге Сибири» в 1701 году изображены деревни на реке Пышме. Давайте вспомним даты появления населённых пунктов, ближайших к нашему городу: г. Камышлов - 1666 г.; г. Екатеринбург - 1723 г.; с. Белоярское - 1687 г.; с. Покровское - 1621 г.; с. Грязновское - 1690 г.; с. Знаменское - конец 17 века; с. Светлое (Ряпасова) - конец 17 века; д. Чудова - 1703 г. Добавим даты рождения заводов, которые оказали влияние на развитие нашей территории: Каменский завод - 1703 г.; Берёзовский завод - 1757 г.; Режевской завод - 1776 г.; Ирбитский завод - 1776 г.

Рис. 2. Ближайший населённый пункт - д. Новожилова находилась на р. Черемшанка, рядом с современным посёлком Черемша (изображена на карте 1755 г.). Исчезла ещё в 18 веке, как и д. Бухарова (находилась на месте современной Малиновки). Деревни и сёла, находящиеся на юге от будущего Асбеста, заселялись в основном с севера. Существовали дороги, проходящие через наш район. Главной магистралью была древняя дорога башкир - Пышминская дорога (т. н. Покровский тракт), идущая с севера через с. Покровское на юг, пересекая р. Пышма в районе Сухого Лога. Ещё как минимум три дороги проходили рядом. Они пересекали р. М. Рефт в трёх местах, р. Б. Рефт в трёх местах и р. Пышма тоже в трёх местах. Самая известная это дорога, идущая от Режа в сторону д. Ряпасовой имела несколько названий: Старицкая,

Старская, Лыковая, Липняжная, Грановая. Со временем, в результате освоения крестьянами новых угодий появилась целая дорожная сеть гужевых дорог. Большинство из них имели названия: Жернаковская, Талицкая, Дивулинская, Бурковская, Благодатская, Угольная, Пильная и др. Появились и мосты через реки. Например, на Вороньем броде, на реке Пышма мост появился ещё в 19 веке. Крестьяне обзаводились сенокосными угодьями порой за 30 вёрст от деревень. Для этих целей использовались все подходящие места вдоль речек, озёр и болот. Косили ведь не только для своих нужд, но и для казны. Дошедшие до нас, а чаще всего забытые, названия урочищ, ручьев, ключей, логов и болот связаны с крестьянами, имеющими угодья на этом месте. Вот только несколько названий: ключ Ждановский, р. Кайгородка, р. Марковка, р. Обуховка, р. Фёдоровка, р. Ильинка, р. Кирилловка, р. Никольский, Панов лог, р. Брюхановка, ключ Мезенин, ключ Махаев, р. Сергина, Пупково, Шаньгин угол, Шульцевские покосы, Шадринские покосы, Романовские закосы. К слову сказать, некоторые названия достались нам от татар и башкир, населявших лесостепь южнее р. Пышма: озеро Беткулово, озеро Кукуян, озеро Алтынай.

Ю. М. Сухарев в своей книге «Рефтинская старина» приводит интересный документ: Указ Великого Государя Петра Алексеевича об удовлетворении челобитной крестьянина Ивана Рычкова. В этой челобитной, датированной 1713 годом, он просил пожаловать его сыну Михаилу для звериного промысла лесные угодья между реками Режом, Одуем и М. Рефтом. Вероятно, что по фамилии этого охотника было названо урочище, ныне забытое, да и не существующее «Рычковское плёсо», находившееся на реке Б. Рефт в одном км ниже устья реки Пещерки.

С получением первых урожаев с разработанных полей у крестьян сразу возникла необходимость в переработке зерновых на продукты. Опыт, переселившихся с Нейвы, Тагила, Мугая, у большинства уже был. Стали появляться вододействующие мельницы. На реке Пышма от Белоярки до Сухого лога было не менее 15 мельниц. Ближайшие к нам: Чудовская, Зудовская, Кумовская, Старушья.

Рис. 3. Была мельница и на реке Рефт выше устья, принадлежащая мещанину Суставову. Разрешения на строительство мельниц в горном правлении начали оформлять, начиная с 1810 года. Нашлось в архиве

их не много. Например, документы на ближайшую к нам Чудовскую мельницу (в 3 км выше базы Петушки) датированы 1817 годом. Среди документов прошение к царю от крестьян Костромина и Исакова на Гербовой бумаге, разрешение на отвод, разрешение на рубку леса, платёж и пр. Это одна из последних построенных мельниц, остальные построены намного раньше. Например, в документах на перестройку сгоревшей мельницы крестьянина Мелентина Быкова у д. Сухоложской в 1818 году указано, что она была построена ещё его прадедом. К настоящему времени не сохранилось ни одной мельницы.

Рис. 4. Последней работающей вододействующей мельницей была Кумовская. Важной частью производственного процесса на металлургических предприятиях был древесный уголь, и наличие леса играло большую роль при выборе мест для строительства металлургических предприятий. Истинными хозяевами лесных угодий были заводы. Право владеть этими землями в 18 веке получили: Каменский, Режевской, Берёзовский заводы и Екатеринбургский монетный двор. Соответствующие названия имели и четыре лесные дачи, на территории которых расположен наш город. К середине 18 века Каменский чугунолитейный и железоделательный завод за 50-летие своего существования практически вырубил и пережёг на уголь все леса в ближайшем окружении. Требовались новые лесные пространства.

Рис. 5. В 1755 году геодезист Яков Мельников составил план Каменской дачи, леса которой предназначалась для продолжения рубки на угольное жжение и прочих заводских потребностей. 31 июля 1755 года принадлежность лесов Каменскому заводу была утверждена указом Императорского Величества Самодержицы Всероссийской на сто лет. С западной стороны в 1759 году лесные пространства были переданы Екатеринбургским заводам (в последствии Монетная дача).

Рис. 6. В 1758 году по указу Берг коллегии Верх-Исетский завод был передан в частные руки. Владелец завода стал его сиятельство граф Роман Илларионович Воронцов. И вот в 1759 году на реке Большой Рефт у устья речки Серебрянка было выбрано место для строительства железоделательного завода графа Воронцова. Тогда же были выделены лесные угодья вокруг этого места. В 1772 году место для завода было перенесено на реку Малый Рефт (район Мало-Рефтинского кордона). В 1774 году граф Воронцов продаёт Верх-Исетский завод Савве Яковлеву

(Собакину), который в это время строит чугунно-литейный и железоделательный завод на реке Реж. Лесной надел отходит Режевскому заводу. Ещё один завод Яковлев начал строить на реке Ирбит (вместо М. Рефта). Кроме древесного угля заводам требовалась естественно и руда. В 1775 году Яковлев от своих приказчиков с Невьянского и Режевского заводов получает сведения о наличии рудных мест. Среди них рудник Серебрянский (территория современного посёлка Лесозавод), рудник у Островистого болота за рекой М. Рефт и рудник у дороги в д. Рясасову на границе с Каменской дачей. Открыты они были в 1762 году и снабжали рудой Ирбитский завод. В середине 19 века для Режевского завода были открыты ещё 4 рудника: Мало-Рефтинский на границе с Монетной дачей у реки М. Рефт, Медвежихинский (севернее бывшего посёлка 29 кв.) и 2 рудника Ильинских (южнее посёлка 29 кв.).

Рис. 7. На фото один из рудников в настоящее время. Каменский завод также открыл хром-железный рудник Талицкий в 1844 году, недалеко от Талицкого озера. В этом же году дочь купца Козлова отводит ещё один рудник рядом с Режевской дачей. Руда с этих рудников вывозилась на химический завод Ушкова в город Казань. С пуском в действие заводов у крестьян появилась ещё одна тяжёлая обязанность: заготовка дров, выжиг угля и его перевозка на завод. Нужно сказать, что уже к началу 19 века наши леса основательно поредели, заготовка дров велась путём сплошных вырубок прямо от заводских ворот. Ежегодно для завода вырубалось до 10 кв. километров лесов. По данным обследования 1802 года по правой стороне реки Пышма леса представляли поросль из осины и берёзы. В заключение сказано, что «для углежжения лес густоты редкой». К Каменскому заводу, например, у которого к тому времени лесом была занята лишь треть территории, уголь подвозился уже за 60 км. Сплошные рубки шли в районе реки Грязнушки, вблизи озёр Щучье и Талицкого. Из-за рубок высохло и больше не восстановилось озеро Каменное (район ул. Промышленная, баня №1). Кроме древесного угля в наших лесах заготавливались и другие лесопродукты, получаемые перегонкой из древесины и пней. Многочисленные смолокурки располагались по всей округе. Рядом со смолокурками, с угольными печами, да и с покосными угодьями, возникали временные жилища: землянки, избышки и даже бараки. Многие имели названия: изба Гурина, изба Родичева, Бурково жилище,

изба Золотоискательская. Некоторые из них дожили до 20 века и активно использовались рыбаками и охотниками. Заводам, да и населению требовались пиломатериалы. В 1787 году крестьянин Бабенков построил пильную мельницу в верховьях реки Каменка. Мельница эта сгорела в 1803 году. Аналогичная пильная мельница была у Каменского завода тоже на Каменке (старая дорога в Белоярку) в 18 веке. По положению от 1806 года вододействующие пильные мельницы запретили. Вопросами сохранения лесов занимались активно со времён Петра 1, много было издано различных нормативных документов, инструкций, да и законы были суровыми. Но, несмотря на ужесточение мер в вопросах использования заводских лесов, их запасы истощались не только из-за интенсивной рубки, но и в результате лесных пожаров. Для примера: лесной пожар у реки М. Рефт летом 1842 года тушили несколько дней 220 человек – жителей Режевского завода.

Рис. 8. С 1833 по 1859 года Главный лесничий Уральских горных заводов Иван Иванович Шульц занимался описанием и таксированием лесов с составлением планов. В эти же годы была проведена разбивка лесов на квадратные кварталы, площадью в 4 кв. версты. Рубку квартальных просек, затем их расширение до 10 саженей выполняли опять же крестьяне. В архивах имеются списки крестьян с окрестных деревень, направленных на эту работу. Тогда же вблизи Пышмы производились опытные посадки культуры сосны с помощью крестьян из деревни Чудовой. Были созданы лесничества. Вероятно, тогда и появились первые кордоны в наших лесных дачах. Кордоны предназначались для лесной стражи – объездчиков и лесников. На лесную стражу под руководством лесничего возлагался непосредственный надзор за вверенным им участком леса. Это охрана от пожаров, от самовольной рубки, предупреждение болезней, уход за лесом и отвод лесосек. Первые кордоны появились как раз на пересечении дорог с реками: Рефтинский, Песковский, Мало-Рефтинский на реке М. Рефт; Кутырский, Островной, Рефтинский (Каменский) на реке Б. Рефт, Ельничный около посадок сосны, Воронобродский на реке Пышма, Каменский на реке Каменка, Грязновский у села Грязновского. В конце 80-х годов 19 века, в местах наибольшей активности появились ещё кордоны: Шамейский, Старкинский, Ильинский, Окунёвский, Кирилловский, Рудный, Роговской, Быстровский, Щучий и др. Кордоны

сыграли большую роль в освоении территории. В будущем они стали обрастать бараками и некоторые стали довольно большими посёлками: Кирилловский, Роговской, Рудный, Окунёвский, Осиновский, Воронежский. К настоящему времени нет ни одного кордона, выполняющего ту роль, для которой были предназначены.

Рис. 9. Вот так выглядит Рефтинский кордон на реке М. Рефт в наше время. Освоение территории сдерживалось отсутствием планов и карт. В 1854 году для составления карт были приглашены два французских топографа: Аллори и Бержье по контракту на 7 лет. После их, работу заканчивал корпус военных топографов. Была проведена огромная работа с установкой топографических знаков (более 500). К этому было привлечено большое количество работников заводов и крестьян. Составление карт закончилось в 1866 году.

Рис. 10. После открытия штейгером Берёзовских золотых приисков Брусницыным россыпного золота, Берёзовский завод В 20 –х годах 19 века начал проводить разведку на золото. Были открыты 5 казённых приисков на Пышме в районе Белоярки и ряд приисков в окрестностях будущего города Асбеста. Самый первый прииск «Старский» появился в 1824 году, а ближайший к будущему городу прииск «Николаевский» в устье реки Огнёвки – в 1831 году. Работы проводились 6-м отделением Берёзовского завода. Известно об 12-ти казённых приисках на реке Рефт и его притоках, открытых с 1824 по 1842 год. В соседней Режевской даче начиная, тоже с 1824 года на реке Рефт и притоках были открыты 11 приисков. К середине века казённый золотой промысел начал угасать. Последние разведочные партии от казны работали в 1858 году. Зимой 1830 – 1831 года смолокур Максим Кожевников на правом берегу речки Токовой нашёл несколько кристаллов изумрудов. В последствии оказалось, что это месторождение мирового уровня. В январе 1831 у реки Токовой директор Екатеринбургской гранильной фабрики Яков Коковин открыл первую изумрудную копь. За период до 1842 года было открыто 6 приисков драгоценных камней: Сретенский, Токовской, Старский, Мариинский, Зарефтинский и Островской. У этих приисков возникли посёлки. Эти события, несомненно, сыграли большую роль в освоении территории. В 1842 году мещанин Постников из Верхотурья сделал две заявки на прииски жерновых камней: один на реке М. Рефт, второй на реке Чернушка, вытекающей из Чёрного озера. Попытки про-

дать эти прииски не увенчались успехом. Известно, что при строительстве церкви в 18 веке в Тобольске применялась известь, добытая в Режевской даче. Месторождение это, вероятно, на реке М. Рефт (т. н. Известковый) рядом с одной из дорог в сторону Режа. А на Сретенском прииске с 1840 по 1855 год для императорского фарфорового завода добывался каолин. К середине 18 века закрылись все казённые золотые прииски. В 1870 году издаётся новый Устав о частной золотопромышленности. Частным лицам было разрешено заниматься золотым промыслом в казённых дачах.

Рис. 11. Первым, 30 мая 1878 года договор аренды золотоносного участка с Министерством Государственных Имуществ заключил Альфонс Фомич Поклевский–Козелл. В этот участок площадью почти 300 кв. км вошли и ранее открытые казённые прииски в Монетной даче. Первые частные золотые прииски появились на реке Пышма в 1878 году. До 1882 года здесь было отведено до 10 приисков. Северная часть Каменской дачи и восточная часть Берёзовской дачи были закрыты для частной разведки и добычи до 1 мая 1884 года. Потом началась настоящая золотая лихорадка. Сотни партий вышли на разведку. Только до конца года было отведено 20 приисков, а претендовало на отвод не менее 100 человек. В последующие годы это продолжалось. В итоге в Каменской даче было сделано более 200 отводов золотых приисков. В этих работах было задействовано несколько сот рабочих, в основном крестьян. Благодаря добыче золота возникло несколько посёлков: Грязнушка, Старка, Шамейка, Ильинский хутор, Золото.

Рис. 12. В конце 70-х годов 19 века на Урале завершает работу группа геологов, возглавляемая А. П. Карпинским. В итоге в 1884 году публикуется геологическая карта восточного склона Урала. На карте обозначено наличие змеевиков от Алапаевска до реки Грязнушки. В будущем асбестовые месторождения будут открыты как раз в этих районах. Вот такие события в 18 и 19 веках, большие и малые, предшествовали главному – открытию Баженовского месторождения хризотил-асбеста в 1885 году.

А. К. Тебелева

« ...асбест, Куделька, прииски...»: к 130-летию со времен освоения и начала разработки Баженовского месторождения

История развития Баженовского месторождения с XVIII века до наших дней. Выступление сопровождалось показом презентации.

СЛАЙД: 1 Панорама Асбеста.

Асбест расположен на восточной окраине Среднего Урала, на реке Большой Рефт, в 86 км к северо-востоку от Екатеринбурга. Город с 1933 года, до 1928 года — пос. Куделька. Город Асбест — город «горного льна», расположен на крупнейшем в мире Баженовском месторождении уникального минерала асбеста хризотилового (хризотила). Название город получил благодаря одноименному минералу. Это богатейшее в мире месторождение хризотил-асбеста.

СЛАЙД: 2 Хризотил-асбест.

Это редкой и очень ценный волокнистый минерал, занимающий особое место среди других полезных ископаемых, название минерала произошло от греческого «асбестос» - «негорючий». Его свойства известны с древнейших времен. Среди всех каменных сокровищ, какие таятся в земных недрах, трудно найти что-либо поразительное. Вот посудите сами. Земля богата всевозможными рудами, встречаются в ней золотые самородки, прячутся яркие самоцветы. Но разве способна какая-либо руда разделяться на волокна? Разве можно изготовить ткань из самоцветов? Конечно нет. А волокнистый камень тем и отличается от своих братьев, что состоит из множества шелковистых волокон. Из этих волокон и делали в старину ткань.

СЛАЙД: 3 Изделия завода Н. Демидова (1710 г.).

В 1720 году в демидовских угодьях каменную куделю нашел крепостной крестьянин Софрон Согра, приписанный к Невьянскому заводу Никиты Демидова. На Урале впервые начали делать изделия из асбеста, развернулось асбестовое производство: добыча минерала и ткачество из него чулок, кружев, дамских сумочек, перчаток... По преданию Демидов подарил Петру I скатерть и будто бы случайно

пролил на свой же подарок вино, а затем бросил скатерть в огонь. Разгневавшийся было император немало удивился, увидев, что вино выгорело, а скатерть стала, как новая.

СЛАЙД:4 Село Куделька.

Как все начиналось? Совершим экскурс в историю... О том, что в 30 вер-стах на север от Белоярской слободы встречается каменная кудель, было известно еще в 18 веке. Местные крестьяне, посещая эти заболоченные места, прямо в кустах на поверхности земли находили комки каменной кудели, образованные спутанными волокнами асбеста. Болото, лежащее восточнее озера Щучьего, даже получило название — Кудельное болото, отсюда и первоначальное название поселка Куделька.

СЛАЙД: 5 Первая геологическая разведка.

Первая геологическая разведка в этих местах проводилась в 1830 году геологом А. Чайковским, обнаружившим выходы змеевика с прожилками зеленоватого асбеста. Через год были найдены изумруды, что заставило горнозаводские власти всерьез заняться исследованиями территории по берегам реки Малый Рефт и озер Окунево и Щучье. В октябре 1884 года неподалеку от озера Щучьего на Говорухинском золотом прииске, в двух шурфах был обнаружен высококачественный асбест.

СЛАЙД: 6 А. П. Ладыженский.

В ноябре на находку обратил внимание А. П. Ладыженский, первооткрыватель, член УОЛЕ, занимающийся частными геологическими исследованиями, получив разрешение в Горном ведомстве на поиски асбеста, он 26 декабря 1884 года вместе с тремя рабочими прибыл в местность, «называемую кудельное болото». Здесь в четырех из шести пробитых шурфов наткнулись на выходы асбестовой жилы... В феврале 1885 года было организовано «Товарищество для эксплуатации уральских ископаемых». Вот этому товариществу А. П. Ладыженский 20 февраля 1885 года уступил права на свою долю заявленных им площадей с асбестом.

СЛАЙД: 7 О. Е. Клер.

На имя Онисима Егоровича Клера, члена УОЛЕ, преподавателя гимназии был и оформлен первый асбестовый прииск, который получил название Вознесенский, поскольку ознакомление новых владельцев

с отводом для прииска совпало с празднованием Вознесения Господня. А. П. Ладыженскому была выдана доверенность на право поиска и разработки асбеста. К началу 1886 года в собственности товарищества находилось десять участков с выходами асбеста. Все эти прииски назывались Вознесенскими.

СЛАЙД: 8 Добыча асбеста в карьере Вознесенского прииска.

К осени 1885 года на территории Вознесенских приисков были построены первые дома, пригодные для жизни в зимнее время, и склад. Так возник первый приисковый поселок, ставший впоследствии поселком Вознесенским. В настоящее время большая территория ушла в карьер. Работы по освоению велись с трудом. Члены товарищества плохо разбирались в коммерции. К 1887 году было приостановлено производство асбестовых нитей и изделий из него.

СЛАЙД: 9 Этьен Жирард де Сукантон;

СЛАЙД: 10 Приезд Жирарда де Сукантона на Вознесенский рудник.

В 1889 году Вознесенские рудники приобрел Барон Этьен Жирард де Сукантон. *(русский баронский род, оставивший Францию в конце XVII века из-за преследований во Франции и переселившийся в Ольденбург, а оттуда в XVIII веке в Москву)*. Он стал владельцем 14 асбестовых приисков. За приобретением было оставлено общее название - Вознесенский прииск. В руках предприимчивого дельца дело пошло на лад. Они не только занимались налаживанием добычи, но и велись поиски новых залежей асбеста.

СЛАЙД: 11 В. А. Поклевский- Козелл.

К концу XIX века мировая потребность в асбесте резко возросла. Но выходить на мировой рынок с «русским» асбестом было не просто, здесь лидировал итальянский асбест. Уральский асбест по качеству не уступал итальянскому, но, чтобы получить за него ту же цену, необходимы органи-зационные усилия и оборотные средства. Это было под силу только крупным производителям. Постепенно все прииски обретали крупных хозяев. В числе крупных промышленников и был Викентий Альфонсович Поклевский-Козел, *(Предприниматель, меценат, общественный деятель, распорядитель торгового дома «Наследники А. Ф. Поклевских-Козелл с 1890 года. Представитель литовско-дворянского рода Козелло-Поклевских. Сын уральского*

водочного короля), который и вложил немалые средства в обустройство своего прииска.

СЛАЙД: 12 Карьер Щучий Поклевского-Козелла;

СЛАЙД: 13 Ручная отбойка асбеста.

При руднике был построен поселок, где в небольших деревянных бараках жили рабочие, - это при том, что на других рудниках рабочие обитали в сырых землянках. Работы велись полностью вручную. Основными инструментами были лом, кувалда, лопата.

СЛАЙД:14 Казарма рабочих Поклевского прииска.

Население приисков состояло из сезонных рабочих, которые стекались из окрестных сел и деревень. Часть их них оставалась на зиму, их называли «зимогорами». Но постоянными приисковыми жителями их считать нельзя было, поскольку рано или поздно они покидали прииск в поисках лучшей доли.

СЛАЙД: 15 Карьер Баженовского месторождения (1889 г.).

Потребность промышленности в асбесте обусловила необходимость разработки месторождения. Официальное разрешение Горного департамента на разработку было получено 20 июня 1889 года. Эта дата официально считается началом промышленной разработки асбеста и датой рождения будущего города. Работы велись открытым способом. Преобладал преимущественно ручной труд. Добыче руды мешали грунтовые воды, поэтому для их откачивания в 1896 году на прииске «Поклевский» появилась первая паровая машина для откачки воды, а в 1897 году там же открылась первая российская асбестообогащительная фабрика.

СЛАЙД: 16 Погрузка руды в вагонетки (1920 г.).

К 1917 году на Баженовском месторождении работали четыре частных предприятия, которыми произведено 200 тысяч тонн сортового асбеста. Асбест экспортировали в Германию, Австрию, Англию, Японию.

СЛАЙД: 17 «Ураласбест» (1927 г.).

После революции прииски были национализированы, в 1922 году создан трест «Ураласбест», появлялись асбестообогащительные фабрики, а карьер рос и углублялся, постепенно поглощая промышленные и городские здания.

СЛАЙД: 18 Баженовское месторождение в настоящее время.

Самое популярное место в городе - это смотровая площадка, только вид с нее открывается не на город, а на расположенный рядом с ним карьер крупнейшего в мире Баженовского месторождения хризотил-асбеста. Оно поражает своими масштабами: протяженность карьера — 11,5 км, ширина — более 1,8 км, а глубина — 310 метров. Баженовское месторождение - уникальный природный объект, который в последствии стал градообразующим началом для Асбеста и пока таким остается по настоящее время.

СЛАЙД: 19 Памятный знак в честь открытия Баженовского месторождения хризотил-асбеста.

И завершить свое выступление хочется стихами, посвященному этому удивительному минералу.

«Камень Асбеста»

В белых жилах его серебрится
Как веков седина, волокно.
И на прочность со сталью сравнится,
И огню не подвластно оно.
Как-нибудь на завод загляните,
Не смолкает там шум веретен,
В необычные белые нити
Превращается горный лен.
А карьер, как бездонная чаша,
Где и ночью светло, словно днем,
Экскаваторы издали машут,
Как рукою, стрелюю с ковшом.
Не пугают нас взрывов раскаты:
Это эхо большого труда,
Кто с Асбестом сроднился когда-то,
Не разлюбит его никогда.

Надежда Гусева

Литература:

1. Асбест, мой город и судьба: юбилейное издание. - Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2008. - 224 с.: цв. ил.

2. Дижур Б. А. От подножия до вершины / Б. Дижур. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1976. – 258 с.: ил.
3. Дижур Б. А. Волокнистый камень / Б. Дижур. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1958. – 42 с.: ил.
4. Мой ласковый город Асбест: материалы о городе / сост. Н. Д. Коростина. - . Асбест, 2005. – 174 с.: ил.
5. Никитин П. В. Город горного льна: очерки по истории Асбеста: 2-е изд., испр. и доп. / П. Никитин, Н. Рубцов. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1970. – 164 с.
6. Чечулин А. Асбест / А. Чечулин - Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1985. – (Города нашего края).
7. Шинкаренко Ю. В. Где ударил посох: культурно-исторические очерки / Ю. Шинкаренко. - Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2005. - 408 с.: ил.

Ю. М. Сухарев
Рефтинские золотые прииски начала XX века
глазами Маргариты Имшенецкой

Упоминание Рефтинских золотых приисков в художественной литературе, исследование подлинной биографии писательницы Маргариты Викторовны Лукашевич (Имшенецкой).

Активная фаза разработки Рефтинских золотых приисков частными старателями пришлась на период между 1884 и 1914 годами – ровно 30 лет. До того отводы золотосодержащих участков здесь персоналиям не производились по причине того, что основная часть территории находилась в пространстве казенных лесных дач – Каменской, Монетной, Березовской, неприкосновенных для частника. В 1870-е годы законы Империи запрет сняли, но подзаконные акты вызрели только к 1884 г, дав старт «золотой лихорадке» в бассейне реки Рефт.

Начало Первой Мировой войны и последовавшая глобальная мобилизация сократили добычу «презренного металла» до минимума, по причине отсутствия на частных коях рабочих рук, а революция и национализация вернули прииски государству.

Ажиотаж вокруг рефтинского золота был отчасти вызван предыдущим запретительным периодом: запретный плод всегда сладок, он манит, порождает слухи и мифы о несметных богатствах. Желтый металл в недрах был, но мало чьи ожидания сбылись в полной мере.

В 1884 г Д. Н. Мамин-Сибиряк написал рассказ «Золотая ночь», где поведал о трагикомичных перипетиях заявочной кампании на только что открытых для промысла золотоносных площадях. Приведенные писателем выдуманные топонимы очень напоминают реальные рефтинские. «Пятачкова дача» - Монетная, реки «Большой и Малый Сулат» - Большой и Малый Рефт. И так далее. «Десятки болотистых озёр и «озеринок» попадаются на каждом шагу, давая начало десяткам болотистых речонков, которые постепенно сливаются в три главных реки...». Это, определенно, про Рефтинский край.

Впрочем «инженер человеческих душ» не стремился к документальности. А именно ее нам и не хватает для понимания истории рефтинских золотых промыслов. Не хватает описания приисковой жизни, сделанного очевидцем, видевшим ее своими глазами.

Эта прореха отчасти закрывается книгой писательницы Русского Зарубежья Маргариты Викторовны Имшенецкой (ок.1883 г – 1972 г) «Забытая сказка». Впрочем, вряд ли кто-то называл ее писательницей при жизни. Известно, что в 60-е годы (уже в 80-летнем возрасте) она публиковалась в русскоязычном альманахе кружка «Литературные встречи» (Сан-Франциско). Тогда же в эмигрантских газетах напечатали её 2-3 очень коротких рассказа.

В предисловии к российскому изданию книги «Забытая сказка» говорится, что она вышла в свет по благословению митрополита Монреальского и Канадского Виталия. Владыка Виталий (Устинов) был на Канадской кафедре с 1957 г по 1986. При епархии была типография, где печатались брошюры, журналы и книги. Возможно, там книга Имшенецкой и была напечатана впервые. Но это только предположение. В России «Забытую сказку» стали печатать в 2000-е годы, а в 2009 г ее опубликовала «Роман-газета». Она вызвала интерес у читающей публики.

Роман автобиографичен, но это не мемуары. Полет авторской фантазии имеет место, но в границах подлинной судьбы Маргариты Викторовны, с некоторой дельтой, конечно. Впрочем, подтверждение некоторым существенным сюжетам еще не найдены.

Анализировать все произведение не наша цель. Остановимся на «Письме девятом» (главы поданы в виде писем). Оно называется «Урал» и именно в нем описано пребывание героини романа (читай, автора) на золотых приисках.

Вот начало. Героиня случайно знакомится у московских друзей с семьей одного золотопромышленника с Урала. «Мы друг другу настолько понравились, что в первый же вечер нашего знакомства я охотно приняла их приглашение провести весну, или сколько мне понравится, у них на приисках, в лесах Урала»¹.

Речь идет о семье Владимира Михайловича Имшенецкого. Примерно с 1905 года Маргарита Викторовна Лукашевич (это ее фамилия от рождения и до замужества в 1922 г) находилась с Имшенецкими в близких отношениях. В 1906-1907 гг. она являлась доверенным лицом Владимира Михайловича при купле-продаже приисков (асбестовых и золотых) – как раз припышминских-рефтинских. Один из проданных

1 Имшенецкая М. Забытая сказка // Роман-газета. – 2009. - № 1.

участков назывался Маргаритинским (догадаемся, в честь кого он так назван...). Проживала при этом в Екатеринбурге «по главному проспекту в доме Пале – Рояль», принадлежащем Имшенецкому².

Неординарная биография В. М. Имшенецкого неплохо изучена и в данной статье, нет смысла ее приводить³. Известные биографические сведения о М. В. Лукашевич (Имшенецкой) здесь будут, но позже. Прежде всего, нас интересуют прииски. Писательница не указывает прямо их местоположение, но мы знаем, где располагались золотосносные участки семьи Имшенецких, кроме главы семьи, записанные на его жену Елену Ивановну, брата жены Петра Ивановича Ковылина и на жену брата Александру Дмитриевну. Были и дальние, но только рефтинские-припышминские находились относительно недалеко от Екатеринбурга, что соответствует тексту «Забывтой сказки».

«Об Урале можно написать обстоятельную и очень толстую книгу, но я хочу написать только впечатления молодой девушки, которой шел двадцать третий год. Все было ново. Жизнь в лесу, прииски и их обитатели, добыча золота, уклад и нравы приисковой жизни, простота общения с людьми и все, все окружающее было мне, жительнице большого города, прямо в новинку, особенно в первые дни моего приезда».

Это, как бы, общий фон. Будем просматривать составляющие приисковой жизни.

Природа, флора и фауна. Это, кажется, осталось прежним и не так нам интересно. Впрочем, богаче была тайга, чем сейчас. Явно богаче. Медвежонок, живущий в тайге, но подкармливаемый старателями, - свидетельство этому.

Социальная инфраструктура прииска состояла из «барского дома», примыкавшей к ней конторе и отстоящей от них метрах в ста казарме для рабочих. На этом промысловом участке хозяйский дом был шикарней, что, однако, было редкостью.

2 ГАСО Ф. 24 оп. 19 д.589

3 Сухарев Ю.М. Биография уральского горнопромышленника Имшенецкого В.М. (1858 – 1942) <http://sukharev-y.ru/>; Власов В., Сухарев Ю. Венчание обреченных <http://sukharev-y.ru/>; Сухарев Ю.М. Биография уральского горнопромышленника В. М. Имшенецкого (1858–1942) // XIV Уральская родоведческая науч.-практ. конф. (13-14 нояб.. 2015 г., Екатеринбург).

«Приехав к своим друзьям С. прямо из столицы, я не почувствовала никаких неудобств. В моей комнате был умывальник с горячей и холодной водой, стены были оштукатурены, окна большие, потолки высокие, воздуху было масса, весь дом был уютно и удобно распланирован, могу сказать, что комфорт был полный, то есть неудобства не чувствовались». В доме была даже фисгармония.

«Когда мне пришлось посетить ближайšie, далеко не бедные прииска и заходить в дома, то в первую минуту невольно хотелось зажать нос от весьма неприятного смешения запахов. Мне, Любочке и Володеньке пришлось однажды заночевать верст за сорок от нашего дома, также на приисках одного из очень богатых золотопромышленников, чудака-бобыля, живущего и зиму, и лето безвыездно на прииске. Мы всю ночь промучились в душном низком подслеповатом, типично приисковом доме, я имею в виду маленькие оконца и очень низкие потолки. Одолевали нас клопы, а утром единственный в доме умывальник, который помещался на кухне, сломался, пришлось мыться прямо на улице из ручной мойки, привешенного к дереву около дома. Рядом стояло ведро с водой и ковш».

В конторе Имшенецких стоял сундук с добытым золотом, запертый на висячий замок, стол, три стула, полки и конторки с книгами. Казарму для рабочих М.Имшенецкая не описывает, но то, что работяги жили в бараке, а не землянках (как было чаще всего), говорит о цивилизованном хозяйствовании. Имелась и баня.

Стратификация приискового люда проста и понятна. На верхнем уровне хозяева (либо управители). В описываемом случае это Владимир Имшенецкий с сыном Владимиром же, выпускником университета. «Они оба могли говорить только об этом (золоте. – Ю.С.). За вечерним чаем обычный разговор сводился к намывке за день золота, их часто тревожило уклонение жилы. Володенька занимался исключительно разведкой, и все делал новые заявки, как бы подготавливая будущую работу для следующего лета».

Молодой барин горячился, впадал в восторг, найдя при шурфовке высокое содержание золота. Опытный отец призывал к хладнокровию:

разработка без полноценной разведки может стать западней – «прокопаешь то, что нашел, и столько же добавишь своих, если не все, что имеешь».

«Когда я наблюдала отца и сына, то мне всегда казалось, что золото ослепило их, отдалило от действительности. Они были глухи и слепы ко всему, что не касалось приисков. Мне было жаль этих людей, они как бы отошли от самой многоголосой, многоликой жизни и взяли только однотипное, монотонное, серое, скучное. А может быть, я ошибаюсь, они большего и взять не могли, а брали, что было присуще их натурам, то есть азарт при изыскании золота, и это их вполне удовлетворяло».

Несколько ниже по иерархии уровень специалистов. В романе это Иван Иванович «русский мужичок-самородок», ведавший на прииске строительными работами и сложными механизмами. С хозяевами в дружеских отношениях, иногда они останавливались в его городском доме. И с рабочими умеет общаться, пользуется их уважением, понимает их, играет в их компании на гармошке или гитаре. «Мужики говорили о нем: «усе знает, тысячу и еще один».

Нижний уровень – приисковые рабочие, сначала перепугавшие городскую барыню, не видевшую подобных типажей. «Толпа оборванцев с всклокоченными неопределенного цвета гривами, обросших бородами, начинавшимися прямо из ушей, все какие-то чубастые, скуластые, сутуло-плечистые, со сверкающими не глазами, а глазищами».

«На приисках бродяга, беспаспортный, с темным прошлым человек, был весьма неплохим работником. Из их среды выбирался «старшинка», который бил нещадным боем провинившихся (в особенности, укравших что-либо у товарищей), и даже мог подвергнуть их выгону с приисков. Их дисциплина и этика были железные, вернее на их языке она называлась «варнацкой честью», от слова «Варнак» — беглый каторжник, беспаспортный бродяга на местном наречии. Старшинка часто кричал провинившемуся: «Держи ришпект». Самое страшное для бродяги — выгон из артели, из приисков; он вновь попадал властям и мыкался по тюрьмам».

Что касается рабочего рудничного люда, то мнение барыни об их каторжном прошлом верно лишь отчасти. Там было много крестьян и заводских рабочих, для которых это являлось отхожим промыслом. Впрочем, они часто и быстро люмпенизировались.

В 1880 г. на отхожие золотые промыслы получило билеты в Екатеринбургском уезде 6318 человек, в Камышловском – 405 человек. Статистический Пермский Комитет указывал: «Отхожие промыслы, связанные с продолжительным отсутствием работника из дома, действуют весьма неблагоприятно как на нравственность, так и на материальное благосостояние крестьян. Находясь вдали от своих семейств, крестьянин, под влиянием окружающей среды, привыкает к пьянству, празношатайству, лени и нередко впадает в преступления. Одно волостное правление так охарактеризовало последствия этих промыслов: «многие (рабочие) своевременно в свое жительство не возвращаются и высылаются этапным порядком, денег домой не приносят и после того более бывают подвержены пьянству, лености и разврату, от чего и расстраиваются их семейства».

Особенно же вредное влияние оказывают работы на золотых приисках, которые, кроме нравственной деморализации рабочих, награждают их ещё сифилитической болезнью, заносимую рабочими и в свои семейства»⁴.

Героиня романа, видя тоскующего по родному дому бродягу-рабочего, замыслила ему помочь, найти его мать, сказать ей, что сын жив. Понимающий жизнь Иван Иванович даже перепугался: «Не трожь, не трожь! Если и молится старуха о нем как о покойнике, то приняла, успокоилась... А ему ходу нет, в деревню явится, мужики не примут, выдадут, и будет и ему, и ей горше, чем сейчас».

Интересно отношение рабочего люда к добытому золоту. Хранилось оно в том сундуке в конторе. Никто контору не охранял и в ней не жил. «На мое утверждение, что легко сломать окно и разбойникам ничего не стоит украсть золото, мне, смеясь, ответили: «Куда они денутся с золотом-то?».

Намытое за день золото помещалось в сундук, в присутствии одного, обязательно грамотного, рабочего, хозяина или управляющего

4 Календарь Пермской губернии на 1883 г. Издание Пермского губернского статистического комитета. Год первый. – Пермь:Типография Губернского правления, 1883.

и конторщика. «Золото взвешивалось, записывалось, затем следовали три подписи присутствующих. Таково было правило для сдачи золота в казну. Затем раз в неделю или два, точно не помню, запрягали коробок (плетеная корзинка на длинных дрогах), очень удобный экипаж по трясучим с выбоинами лесным и проселочным дорогам. Садись артельщик, еще кто-нибудь из служащих, кучер, и без всякой охраны, то есть без урядника, без оружия трусили до ближайшей железно-дорожной станции. Дальше ехали в город и сдавали золото в казну».

Вот такие детали приисковой жизни может почерпнуть краевед из книги Маргариты Имшенецкой «Забытая сказка».

Где точно находился тот прииск? Однозначного ответа нет. Имшенецкие владели большой группой приисков по притокам Пышмы Грязнушка и Каменка. Однако там работали главным образом по рассыпному золоту. В книге же речь идет о жильном, которое добывалось активно вокруг нынешнего поселка Золоторуда, в среднем течении реки Рефт. Здесь Владимир Михайлович прииски тоже имел и примерно в тот период, который описывается. Сухоложский краевед Афанасьев писал, что В. М. Имшенецкий, на Никифоровском прииске, где уже имелась Инокентьевская шахта, стал строить новую с таким же названием. На Алексеевском прииске этого предпринимателя имелась лаборатория для первичной обработки шлиха. Эти прииски района излучины Рефта вблизи нынешнего поселка Золоторуда⁵.

У излучины Рефта, над прибрежным обрывом, стоял раньше дом, который ещё долго называли «барским». Сейчас от него остались лишь фундаменты. В 30-е годы в нём был организован т.н. «дом отдыха» для приисковиков. Очень вероятно, что этот дом принадлежал Имшенецкому и именно его описала Маргарита Викторвна.

Теперь уместно познакомить (хотя бы отчасти) с самой писательницей. Уже около 10 лет совместно с исследователем Вадимом Власовым мы пытаемся поднять подлинную биографию Маргариты Лукашевич (Имшенецкой). Пока мы знаем её лишь в некоторой степени.

Казалось бы, какие могут быть проблемы, если писательница оставила нам автобиографический роман? Это плохо помогает. Во-первых, есть та самая художественная «девиация» от реальной линии

5 Афанасьев А.А. Сухоложье. Неизвестные страницы. - Сухой Лог, 2004.

судьбы. Во-вторых, писательница многое шифрует. В-третьих, она сама почти ничего не знала о своем происхождении, и в этом, кстати, сознавалась на страницах романа.

Родилась она 6 января (18 января по новому стилю). Год рождения в различных иммиграционных документах указывался разный – 1883, 1884, 1888 и 1889. В документах о ее смерти и на надгробной плите записан 1883 год. Эта дата согласуется более-менее и с канвой романа.

Место рождения, указанное в тех же документах, - Пермь (в одном случае) и в трех случаях Екатеринбург. Но из подтекста же «Забытой сказки» следует, что её отец (значит, и семья) проживали в это время в одном из губернских городов в средней полосе России.

Метрическая запись о рождении Маргариты пока не найдена ни в Перми, ни в Екатеринбурге. Но обнаружены метрики ее умерших в младенчестве сестер – Манефы (1873 г, Пермь) и Ольги (1876 г, Екатеринбург).

Здесь, на Урале, состоялось и венчание ее родителей. Запись от 11 февраля 1873 года по метрической книге Всех-Святской церкви г. Перми. Отставной юнкер 5-го пехотного Калужского, Его Императорского Величества Императора Германского и Короля Прусского, полка Франц Виктор Кисман Домиников сын Лукашевич, римско-католического вероисповедования, первым браком 23 лет.

И чиновничья дочь девица Глафира Стефанова Бочкова, православного вероисповедования, 16 лет.

Интересно, но Маргарита не знала год рождения Глафиры (своей матери), указав в справке о смерти 1860 г.р. (получилось, что Глафира вышла замуж и родила в 13 лет). Умерла Глафира Стефановна 18 июля 1936 года в Сан-Франциско в возрасте около 80 лет.

Отец невесты, Стефан Петров Бочков, родился 29 апреля 1824 г. на Дедюхинских соляных промыслах Пермской губернии в семье унтер-шихтмейстера Петра Максимова Бочкова⁶.

В официальной хронике находим его в 1852 году, т.е. в возрасте 28 лет. По Министерству внутренних дел определен уволенный от службы коллежский регистратор Степан Бочков канцелярским чиновником в Чердынский земской суд⁷.

6 ГАПК Ф.37. Оп.2. Д.300 л.607

7 Пермские губернские ведомости (далее – ПГВ) 1852 г №14 о.2

Скоро он назначается столоначальником в тот же суд, а в 1854 г переводится канцеляристом в уездный суд Чердыни, где через месяц опять возвышается до столоначальника⁸.

1854 год оказался для Стефана Бочкова насыщенным событиями. Из столоначальников его тут же перебрасывают на должность смотрителя Чердынского тюремного замка, а через несколько недель задвигают в письмоводители к становому приставу⁹.

Видимо он такое назначение не принимает, и в дальнейшем (с 30 лет!) фигурирует как отставной коллежский регистратор. Чем жил – непонятно. Как его дочь повстречалась с дворянином Лукашевичем – тоже непонятно. В книге Маргарита пишет, что ее родители повстречались в Петербурге.

Жену Стефана Бочкова (бабушку Маргариты) звали Манефа Григорьевна¹⁰. Маргарита, кстати, этого не знала и в справке о смерти матери в соответствующей графе был поставлен прочерк. Если в романе писательница написала правду, то с дедом Стефаном и бабушкой Манефой она никогда не виделась.

Жену же Петра Максимова Бочкова (мать Стефана, бабушку Глафиры и прабабушку Маргариты) звали Анной Федоровной¹¹.

Максим Леонтьев Бочков (прапрадед Маргариты) умер в 1815 г. 8 января на Пыскорском заводе Соликамского же уезда Пермской губернии в звании канцеляриста в возрасте 40 лет¹².

Таким образом, мы доказали, что происхождение писательницы по линии матери «насквозь» уральское, из служителей казенных горных заводов.

Сложнее с ее отцом. То, что он потомственный дворянин, отражено в записях метрической книги при рождении дочерей. Это мы принимаем, как факт. Маргарита в «Забытой сказке» сообщает, что отец её из семьи видных польских аристократов, предки Лукашевичи служили в морском, де, флоте, на адмиральских должностях.

8 ПГВ 1852 г № 39 от.2; ПГВ 1854 г № 8 оф.; ПГВ 1854 г № 19. оф.

9 ПГВ 1854 г № 50 оф.

10 ГАПК ф.37 оп.6 д.690 л.65

11 ГАПК Ф.37. Оп.2. Д.299 л.838

12 ГАПК Ф.37. Оп.2. Д.267а л.395

Да, было несколько польских дворянских родов Лукашевичей. Вообще, польская шляхта была многочисленной. В 1853 г. к ней относилось 220 573 человек, и не во всей Польше, а только в 5 её губерниях, около 5 % населения. Основная масса шляхтичей в начале 1860-х годов не владела крепостными, а занималась обработкой небольших участков земли или трудилась по найму.

Лукашевичи не выглядят какими-то аристократами на этом фоне, а лишь одними из многих. Аристократия - это княжеские, графские титулы. Ничего этого у Лукашевичей нет. Не найдены среди них и адмиралы.

Маргарита Викторовна именует польских родственников отца магнатами. Опять не находим тому никакого подтверждения. Впрочем, служба отца юнкером в престижном полку говорит, что родители были более-менее состоятельными и дали сыну какое-то образование, как минимум он окончил гимназию.

Дальше писательница сообщает, что родители прокляли Виктора Лукашевича, лишив наследства, за то, что он оставил военную службу, женился на русской. Это вполне возможно.

Зато обучение его после женитьбы в Железнодорожном институте и Академии живописи не подтверждается списками выпускников за соответствующие годы.

Служба его по железнодорожному ведомству (так сообщается в «Забытой сказке») в одном из губернских городов Центральной России также не находит подтверждения в многочисленных адрес-календарях губерний и списках личного состава железных дорог.

По версии Маргариты Викторовны умирает он около 1901 года. Запись о смерти также не найдена в метрических книгах католических церквей Перми и Екатеринбурга.

Итак, о детских годах Маргариты Лукашевич мы знаем только по ее роману. Домашнее обучение, учеба в консерватории - все пока на ее совести. Консерватории в то время были только в Москве и Петербурге, в губернских городах их не было, поэтому скорее она обучалась в каком-то отделении Русского Императорского музыкального общества.

Фактические сведения о ней мы имеем, начиная с 1906 года, когда она «засветилась» в качестве доверенного лица В.М. Имшенецкого при продаже приисков.

Когда в 1914 году екатеринбургская газета «Уральская жизнь» вышла с новостью о том, что Германия начала войну с Россией, над манифестом императора уже красовалось огромное объявление «С разрешения господина губернатора открыт приём пожертвований и материалов для заготовки белья раненым воинам Русской армии. Для этой цели предоставляется рукодельная мастерская М. В. Лукашевич... адрес: Екатеринбург, Главный пр., магазин «Детский мир».¹³

Магазин «Детский мир» находился в том доме, где размещалась принадлежащая Владимиру Имшенецкому гостиница «Пале Рояль» (Главный проспект, 38). Опять признак того, что Маргарита Викторовна и ее рукодельная мастерская находились под крылом Имшенецкого.

Следующие сведения получаем от Владимира Аничкова, из его книги «Екатеринбург-Владивосток».¹⁴ Это, между прочим, реальные мемуары.

Летом 1918 года состоятельным екатеринбуржцам лучше было где-то спрятаться. Семья Аничкова приняла приглашение Владимира Имшенецкого и схоронились на его заимке.

Вот описание этой усадьбы. «Заимка состояла из тридцати — тридцати пяти десятин земли, очищенной от леса. Разработанной, пахотной земли было не более двух десятин. Сама усадьба была расположена на берегу небольшой горной речки Северки, бурной весной и почти пересыхавшей летом. Усадьба состояла из небольшого, но очень уютного дома и только что выстроенного флигеля. Предполагалось выстроить и свою электрическую станцию. Хутор находился в двухстах сажнях от разъезда Хохотун Пермской железной дороги и от самой станции отделялся узкой, но очень высокой скалой, состоящей из груды валунов, коих на Урале так много». Сегодня это поселок Северка.

Называлась заимка Маргаритино. Еще один знак внимания В. М. Имшенецкого своей протеже – Маргариты Викторовны? Она здесь тоже проживала, когда удавалось урвать время от своих городских занятий. Летом 1918-го свободного времени было много – «её «верные» приказчицы, образовав совет рабочих, захватили магазин, писали на неё доносы, и совдеп угрожал крупным штрафом».

13 Один выстрел — и десять миллионов убитых // Областная газета. – 2014. - 13 мая.

14 Аничков В. П. Екатеринбург - Владивосток (1917-1922). - М. : Рус. путь, 1998. – 366с.

В книге «Забытая сказка» эта усадьба занимает видное место в повествовании, как детище героини и ее любимое жилище. Хотя название «Маргаритино», которое приводит Аничков, может говорить, что Маргарита здесь имела долю собственности, а может и оформлена усадьба была на нее. Но из текста и контекста Аничкова четко следует, что Имшенецкие здесь были хозяевами, а не квартирантами.

Летом 1919 г. Имшенецкие и Маргарита Лукашевич с матерью двигаются на восток впереди отступающей Сибирской армии. Жена Владимира Имшенецкого Елена Ивановна очень больна, практически не ходячая. Путь лежит в Харбин. Владимир Михайлович везет с собой золото, которое должно помочь подняться в Манчжурии. Помогло, и он поднялся, открыв собственный ресторан, что помогло выжить всей семье, да и Лукашевич, думаю, такую помощь получала.

5 декабря 1920 г после долгой болезни умерла Елена Ивановна Имшенецкая. 15 сентября 1922 года вдовец Имшенецкий (ему уже 64 г.) в Харбине венчается с 40 летней Лукашевич.

В 1923 г. они переселяются в США.

Биограф Имшенецких, Вадим Власов, пишет об этом так: «Покидая континент навсегда, 40 лет от роду, Маргарита Викторовна (к тому моменту уже Имшенецкая), покидала свою прежнюю жизнь, отправлялась от знакомых берегов, заиленных красной ряской. Она прощалась со своими мечтами и планами навсегда. Таких как она бездомных, потерявших родину, как говорил Набоков «с родиной в душе», были сотни тысяч. Все они уезжали от этой красной болезни, которая словно ржавчина, покрывающая незащищенное железо, покрывала незащищенные умы».

При переписи 1940 г. они жили в Сан-Франциско, в доме № 1500 по улице Штейнер (1500 Steiner St.) на квартире у Татьяны В. Милославской. Кроме хозяйки (42 лет), её дочери Лидии (14 лет) и четы Имшенецких, здесь также проживал ещё один квартирант - Сергей Фролов (40 лет), работавший где-то клерком. Разумеется, все из России, кроме дочери Милославской, которая уже родилась в Чехословакии.

Владимир Михайлович и Маргарита Викторовна, это указано в переписи – супруги. Возраст – ему 82 года, ей – 57. В 1935 году жили там же. Не работающие, но имеются иные источники доходов¹⁵.

Под другими источниками могут подразумеваться проценты от вкладов – Владимир Михайлович явно что-то привез на континент в кейсе. По некоторым данным, он торговал в Америке недвижимостью. Также имелся патент на его имя за № 1 846 557 на изобретенный им насос. Заявка была подана 20 декабря 1930 г. Возможно, это тоже давало доход.

Умер Владимир Михайлович Имшенецкий 26 октября 1942 года, на 85-м году.

Маргарита Викторовна Имшенецкая (урожденная Лукашевич) после смерти мужа прожила еще почти 30 лет. В 1960-е годы занялась писательством, является автором романов "Забытая сказка", "Праздник молодости", коротких рассказов "Прелюд № 1" 1971 г., "Прелюд № 2", "Моё пятиминутное знакомство с Константином Сергеевичем Станиславским" 1972 г.

Маргарита Викторовна умерла на 89-м году жизни 15 февраля 1972 года. В России два автобиографических романа Имшенецкой напечатали уже в 21-м веке. Они имеют своих почитателей.

Прах В. М. Имшенецкого покоится в мемориальном Парке Оливет, в городке Колма, шт. Калифорния. Маргарита Викторовна похоронена на Сербском кладбище Сан-Франциско.

«Урал – моя гордость», писала Маргарита Викторовна в «Забытой сказке». Но и уральцев есть основания гордиться своей землячкой – писательницей, ставшей известной на родине через 30 лет после смерти. Писательницей, написавшей и оставившей нам картины уральской жизни столетней давности.

15 Эти и другие документы Имшенецких, касающиеся проживания в США, представлены на сайте <https://secure.ancestry.com>

А. В. Жиганова

Наивное искусство Нины Ивановны Варфоломеевой

Сделан обзор жизни и творчества самообытной художницы, прожившей в Асбесте во второй половине XX столетия.

В 2019 году художественная общественность отмечает столетний юбилей одного из самых значительных авторов наивного искусства Нины Варфоломеевой. Её имя и работы вошли во «Всемирную энциклопедию наивного искусства», а картины хранятся в крупнейших собраниях наивного искусства России и зарубежья.

В 70-80 е годы в городе Асбесте происходило много важных культурных событий - это открытие детской художественной школы, мемориального музея имени Н.М. Авакумова, краеведческого музея с выставочным залом. Также работали изостудии для взрослых и детей. Все больше жителей города были участниками художественной жизни, пробовали свои силы в изобразительном искусстве. Рядом с профессиональными художниками появляются любители, которые в силу разных причин не обучались основам искусства, но тяга к прекрасному была так велика, что многие стали писать картины. Не все из них нашли свою оригинальную творческую манеру. Художественная общественность долгое время всерьез не признавала картины самодеятельных художников. Их работы не допускались до ежегодных городских выставок.

Наиболее яркой и самобытной представительницей этого направления является Варфоломеева Нина Ивановна. У нас ее называют «Асбестовский Пиросмани». Родилась Нина Ивановна Варфоломеева в 1919 году, в небольшой сибирской деревне Александровка. Детство её выпало на трудные тридцатые годы. Жизнь была очень тяжелой для страны, а для отдельно взятой судьбы ещё трудней. Нина Ивановна в 13 лет стала единственной кормилицей в семье (кроме неё было ещё два брата). Отец был репрессирован, а мать не пережила несчастья, заболела, слегла. Вот так и она не окончила школу, проучившись в ней всего 5 классов. Родители, хоть и были простые колхозники, но предрасположенность к искусству имели. Цветы были везде: на вышивках белья и одежды; на деревянной мебели, посуде; на заборе, воротах. Уехав из

деревни, Варфоломеева Н.И. выбрала профессию, по тем временам доступную для себя – строителя.

Но душа не знала покоя, было прочитано множество книг о художниках, о картинах. Поражала та красота, что открывалась глазам. Завидовала создателям картин, мечтала сама написать что-то своё родное и близкое сердцу. Но неизменно занималась лишь тем, чему в детстве научилась у матери – вышивкой. Взрослый человек, она просто не знала, как подступиться к простому рисунку, не то, что к картине. Но прозрение пришло.

За год до пенсии Варфоломеева делала ремонт в одном из магазинов города. Её внимание привлекло только что начатое панно во всю стену, изображающее берёзовую рощу. Неизвестный художник рисовал по вечерам. Как поразились Нина Ивановна, когда узнала, что нарисовал панно обыкновенный слесарь, срисовывая с картинки. Оказывается, и так можно – это было настоящим открытием для художницы. Можно взять и перерисовать...

Первым делом она старательно скопировала из газеты портрет Ленина. Получилось! Дальше начала перерисовывать животных, природу. Обратилась к творчеству И.И. Шишкина, И.И. Левитана и других замечательных русских художников. Для неё этот этап, причём очень короткий, послужил элементарной школой. Очень помогли в этот момент работы детского иллюстратора Пришвина. В его рисунках увидела то, что ей очень хотелось найти – трава, как живая, а к цветам принюхаться хочется. Да, так она начинала – наивно, слепо, почти бессознательно. Но вскоре пришло время, когда копирование не устраивало художницу. Ей хотелось написать что-то своё.

Наедине с красками (гуашь, масло) и кистью стала невольно думать о прошлом, вспоминать дорогую сердцу Александровку. Рождались на бумаге сценки: лирические и драматические, оживали воспоминания. Так появилась тема о детстве и деревне.

Но продолжался поиск. Колористические навыки отработаны с помощью вышивки, а с копирования взята художественная форма, техника рисунка, особенно заметно по пейзажам художницы – это влияние И. И. Шишкина, И. И. Левитана, А. К. Саврасова. Казалось бы, в работах Н. И. Варфоломеевой должны быть трагизм, горе, ведь детство было тяжёлым. Но нет в картинах Нины Ивановны малейшего намёка

на трагедию. Так русская душа устроена, что растворяет боль и отчаяние в могучей поэзии и красоте жизни. Творчество всецело поглощает её, а яркие гуашевые краски принесли необычную радость в дом. Мир детства, деревни – это тот нескончаемый источник, откуда художница черпает своё вдохновение. И так написаны первые работы.

Одну из работ удалось показать на выставке в 1975 году («Ревность»). В этой картине Варфоломеева изобразила сцену из деревенской жизни. Всё проходит, всё изменяется, но любовь остаётся. Любовь к природе, к матери, к своему дому, к человеку. Именно эта работа была замечена Хадери Н. А., искусствоведом из областного центра. Сама художница на закрытии выставки не была, и поэтому сообщение о том, что её заметили, повергло её в трепет, вот уж не ожидала. За выставкой в Асбесте следует приглашение от искусствоведа на областную выставку. Снова нужно искать, работать, думать...

Крестьянский труд – основа сюжетов «Страда», «Сенокос», «Посевная», «Зимний вечер», «Уборка урожая в 30-е годы». Косари в белых рубахах, женщины в новых цветастых кофтах, вышли на луга как на праздник. Художница изображает их любовно, с большим количеством деталей, не забыла и себя – подростка: на лошади возит копны, помогает старшим. «Уборка урожая в 30-е годы» – это автобиографическое полотно, которое определило творческий путь художницы. Интересен сам комментарий художницы к этой картине: «До обеда я бойко работаю. И вдруг кровь из носа. Я стою да плачу: они вяжут снопы, а я нет, отстану ведь...».

На областной выставке произведений самодеятельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, проходившей в рамках первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся, художница получила звание лауреата выставки 1975 – 1976 годов. Из рецензии Хадери Н. А. о выставке: «...приходите на выставку и убедитесь, сколько правдивости, поэтической свежести и духовного здоровья в работах Варфоломеевой».

В 1977 участвует на всесоюзной выставке, посвящённой 60-летию Великого Октября, Н. И. Варфоломеева была награждена дипломом I степени художника-любителя. А работа «Уборка урожая в 30-е годы» была куплена Владимиро-Суздальским историко-архитектурным

заповедником (г. Владимир). Любопытная деталь: закупочная цена составляла 35 рублей.

В 1978 – первая персональная выставка в родном городе. И снова художница продолжает рассказывать свою жизнь в картинах – «Похороны в деревне», «Женщины в войну», «Лесорубы», «Дольняя дорога». Её работы читают как книги. Вот одна из них – «Мой дом». Незатейливость убранства крестьянского жилища, за окном ночное небо – поздний вечер. А в комнате уютно от человеческого присутствия, тепла, каждый занят своим делом. В этой атмосфере сквозит приятие жизни, ощущение чего-то глубокого, устойчивого, важного для человека. Мир, ограниченный стенами крестьянского дома, предстаёт вмещением ясности и человеческого тепла.

Нина Ивановна Варфоломеева пишет, как дышит, как живёт, тихо, скромно с радостью. Её непосредственные наивно-поэтические работы чисты и прекрасны, в них – взгляд мудрого человека на мир...

Ещё трижды картины художницы выставлялись в столице. Свыше 20 из них перекочевали в государственные музеи. Наиболее значительная выставка в Асбесте была в 1980 году в городском Дворце пионеров и школьников при музее Авакумова Н. М. Было представлено 34 работы. Из книги отзывов: «Сочные краски, правдивость написанного – всё это впечатляет, как будто сам побывал в деревне, в лесу, у реки».

Оригинальная манера, творческая самобытность выдвинуло художницу в пятёрку сильнейших «наивных» художников России. Её имя вошло во Всемирную Энциклопедию народного искусства, вышедшую в 1984 году в Югославии. В 1992 была её очередная выставка в историко-краеведческом музее города. Из отзывов к выставке: «Даже если Вы никогда не жили в деревне, на выставке Н. И. Варфоломеевой ощущаете светлую печаль по безвозвратно-ушедшему».

Из рассказа Варфоломеевой: «Очень люблю изображать природу, цветы, лес. Но мне всегда хочется, чтобы там были люди, животные, чтобы всё в картине было живое». Народная мечта об изобилии, счастье и доброте, и о гармонии между людьми и животными воплощается в этом наивном и благодарном мире, сочинённом художницей.

Н. И. Варфоломеева возвращает пейзажу право быть придуманным, ненастоящим, волшебной декорацией для её картины. Её лес – это синтез навыков копирования И. И. Шишкина, И. И. Левитана

и собственных наблюдений. Лес сказочный и необыкновенно красивый, который подчёркивает настроение героя. В его владениях мир и гармония, покой, он ощущает радость бытия. Именно этих чувств на протяжении своей трудной жизни Варфоломеевой Н.И. так не хватало. Всё взаимосвязано. Дом и огород олицетворяет человека и его деятельность, лужайка – природу, лес – жизнь, вода – изменяемость и быстротечность. Жизнь изменяется, но человек и природа остаются, и они взаимосвязаны. «Берегите и эксплуатируйте мои рисунки для потомства, – так писала Нина Варфоломеева о своей миссии. – Что я рисовала, возможно, не очень хорошо. Но зато правдиво рассказала людям о первых годах коллективизации, где я 12 – 16-летняя работала рядом с взрослыми. Это история, и никто из молодых художников это не знает, а поэтому не нарисует. Берегите мои работы вечно, в будущем они бесценны будут».

О. Л. Тарасова, Т. С. Чечвий
Литературная жизнь Березовского

Рассказан опыт работы библиотек города Березовский по продвижению большой литературы и местного литературного творчества. Выступление сопровождалось показом презентации.

Любая библиотека является отражением большого литературного процесса: с одной стороны, отражает события в отечественной и мировой литературе, знакомит с ними своих читателей, тем самым во многом формирует литературные предпочтения населения. С другой стороны, библиотека аккумулирует малые литературные течения конкретной местности. Из чего состоит литературная жизнь Березовского?

Условно можно выделить три больших направления: первое знакомит читателей с мировой и отечественной литературой (это традиционно для всех библиотек), формы меняются со временем, но суть та же – просветительская. Второе направление позволяет встретиться в форме массового мероприятия двум литературным потокам: большой литературе и творчеству местных литературных талантов. Наконец, третье направление дает возможность представить широкой аудитории произведения земляков, которые зачастую остаются неизвестными.

Литературная гостиная – одна из старейших форм работы с читателем. Наш опыт показывает, что своей актуальности она не потеряла и сейчас: людям интересно не только узнавать новое в литературе, но и обсудить прочитанное. Теперь она существует в форме клуба «Магия книги».

Литературные обзоры библиографа Е. Е. Войтинской, бывшие когда-то частью литературной гостиной, получили самостоятельную жизнь в виде печатных библиографических пособий. Сегодня библиотечные обзоры наших коллег представлены на страницах местной периодики, на сайте и блоге Березовской ЦБС.

Праздники, фестивали и конкурсы – самые яркие, массовые привлекательные и запоминающиеся мероприятия библиотеки. Здесь любители чтения могут представить себя и свои литературные таланты. Наиболее востребованными стали ежегодные праздники поэзии «Лучшее...», Пушкинские чтения в Культурном сквере, Рождественские

чтения. В этом году состоялся первый городской книжный фестиваль «Золотой полоз».

С местными авторами Березовская библиотека сотрудничает давно: в краеведческом фонде ЦГБ собирается коллекция изданий березовчан, а в последние годы библиотека начала помогать в подготовке и издании книг. В 2018 году на областном краеведческом конкурсе «Неизвестный Урал» эти работы получили высокую оценку жюри (1 и 2 места)

В 2019 году Березовская ЦБС подключилась к областному проекту «Литературная карта Свердловской области», параллельно создаёт собственную платформу «Литературной карты Берёзовского». Здесь будет размещена информация о мастерах слова, имеющих отношение к нашему городу. В настоящее время собранные материалы размещены на сайте Березовской ЦБС в разделе «Краеведение».

Из чего складывается литературный образ города? Кто его создает? Конечно, сами люди. Литературное слово – мощное связующее звено для многих поколений. Книги местных авторов – визитная карточка любого города. Авторы книг – живущие рядом с нами и те, кого, к сожалению, уже нет, – кому-то хорошо знакомы, а для кого-то малоизвестны. Грани их литературного таланта разнообразны и ценны каждая по-своему. Связующей нитью в общем полотне литературного облика города выступает любовь к своей малой родине, то чувство, которое объединяет людей в одно емкое слово «земляки».

О. Ю. Макарова
Образы героев мифов и легенд
в сказах П. П. Бажова

Исследование связи образов и уральских сказов Павла Петровича Бажова с историческими событиями территории, народными преданиями, фольклором и мифами прошлого. Выступление сопровождалось показом презентации.

«Человека всегда привлекает все таинственное, непонятное, загадочное...»

Горы издавна очаровывали и пугали людей своей таинственностью и неизведанностью. «Многие из них окружены аурой мистических легенд. По поверьям, обитали в горах особые духи, которых так и называли – горные. Они охраняли здешние места, не допускали туда посторонних, а иногда помогали попавшим в беду». Такие мифологические рассказы о хозяевах гор распространены по всему миру. «По богатству мифов и легенд, связанных с какой-либо местностью, можно судить о таланте и фантазии народа, населявшего ее. Уральские горы, с этой точки зрения, один из самых благодатных источников для этнологов, фольклористов, историков и краеведов» считают специалисты. Здесь сохранилось немало красивых преданий и легенд, повествующих о жизни народов, населявших в древности эти земли. Среди всей толщи исторических событий, перемешанных с мифами, легендами и сказками появились образы, ставшие известными благодаря П.П. Бажову и его уральским сказам [8]. Джеральд Стэнли Хокинс в книге «Кроме Стоунхенджа» писал, что «легенды и мифы – загадочное духовное наследие прошлого; их рациональные корни, если они вообще существовали, давно забыты. Но они все еще воздействуют на сознание и вплетаются в литературу».

Согласно данным словаря литературоведческих терминов, сказ – это описание реальных событий, но с элементами фантастики. Сказ – форма фольклорная, народная и соответственно сказы Бажова впитали сюжетные мотивы, фантастические образы, колорит, язык народных преданий и народную мудрость, они «привлекают своей таинственной поэтичностью». «Бажов создает уникальный мир: с одной стороны –

природа Уральской земли, с другой – это мир, который населяют не только рабочие, старатели, камнерезы, но и сказочные, фантастические существа». У Бажова «сказочное и реальное всегда неразделимо», а в его произведениях «фантастический образ вырастает на реальной основе», утверждают историки. Писатель, ученый и публицист М. П. Никулина считает, что «Бажовские корни искать следует не в рабочем уральском фольклоре, а в пространстве более обширном и отдаленном – в древних мифах, которые откровенно настаивают на том, что Урал – земля отмеченная, занимающая особое место на планете» [32, с. 3].

Павел Петрович, «автор столь, казалось бы, причудливых, фантастических сказов всегда искал в слове отображение реальной истории народа» ... Ему был важен «запах среды и слова». Он считал, что «художественная правда полноценна лишь при условии, что она дается с основными признаками места и времени» [41, с. 12]. «Интерес Бажова к истории явно прослеживается в его библиотеке», – отмечает главный хранитель Музея писателей Урала Е.К. Полевичек. В библиотеке писателя присутствовали труды разных авторов, писавших на исторические темы - «это и «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева, четыре тома Пермской летописи (1882-1889 гг. издания), изданные в Перми в 1896 году, «Сысертские горные заводы», книги Д. Грекова, Е. Тарле, А. Туна, Ш. Дебьера, Л. Каптерева и других зарубежных и отечественных историков...» [38, с. 219–221]. Дочь Павла Петровича Ариадна Бажова-Гайдар в своих воспоминаниях так же пишет, что «история всегда была главным интересом в жизни отца». Бажов говорил: "Когда видишь небрежное отношение к историческим фактам, становится не по себе". Еще в юности Павел Бажов помогал краеведу, ветврачу Екатеринбургского уездного земства Н. С. Смородинцеву создать ценный труд "Приходы и церкви Екатеринбургской епархии", на основе выписок и копий церковных летописей [19, с. 94-105]. Русский критик Л. И. Скорино утверждает, что «сказы «Малахитовой шкатулки» возникли на прочной историко-философской основе» [41, с. 7]. «Неизменный интерес к истории, громадная историческая эрудиция писателя нашли воплощение» в его сказах, делает вывод и кандидат филологических наук, доцент, автор книг о П. П. Бажове Л.М. Слобожанинова. Доктор исторических наук

Д. В. Гаврилов в своих публикациях аргументировано доказывает, что «П.П. Бажов был не только писателем, пишущим на исторические темы, но, в действительности и настоящим историком, исследователем, тщательно изучавшим, анализирувавшим и синтезирующим исторические источники – архивные документы, печатные материалы, устные рассказы, что позволяло ему глубоко и объективно освещать исторические события» [9, с. 53-59]. Сам же Бажов в письме М. А. Батину отмечал: «Литературоведы не раз укоряли меня в том, что я неправильно выставляю на первое место фактический материал...» [3, с.196]. «Бажов тщательно вел тетради, куда собирал уральские песни, сказания, легенды и загадки. Павел Петрович собирал народные былины как писатель, а не как ученый-фольклорист. В 1931 году в Москве и Ленинграде состоялась конференция на тему русского фольклора. В результате совещания была поставлена задача изучения современного рабочего и колхозно-пролетарского фольклора, затем было принято решение создать сборник «Дореволюционный фольклор на Урале». <...> Издание возглавил Бажов». Следует подчеркнуть, что «связи отдельных бажовских сюжетов с конкретными фактами из истории Урала интересуют исследователей творчества писателя давно». Многие «фольклористы до сих пор спорят, какова все же степень самостоятельности созданных писателем сюжетов». Доктор филологических наук, профессор М.А. Литовская утверждает, что «художественные тексты вызывали подозрение как не вполне самостоятельные, и этому подозрению сам Бажов немало способствовал, когда в начале своей деятельности как автора художественных текстов называл их фольклорными записями» [23, с. 15] ... Бажов говорил: «Не нужно забывать, что я только исполнитель, а основной творец – рабочий». Но «хорошая мысль, как самоцвет, требует огранки, а это надо уметь делать...» Необходимо отметить, что «некоторые персонажи сказов Бажова были придуманы им самим, но по большей части, их образы уходят в глубокую древность, о которой можно судить лишь по обрывочным легендам, дошедшим до нас благодаря малым народностям и простым горнякам».

Есть все основания полагать считает писатель Алексей Иванов, что «исчезнувший народ, который оставил горнозаводским рабочим своих духов», описанных в сказах П.П. Бажова, «надо искать на Чусовой». В I тысячелетии нашей эры берега реки Чусовой населяли предки

нынешних коми-пермяков. Около XII века коми с Чусовой были вытеснены воинственными манси – вогулами [17, с. 144-146]. Вогулы были первыми проводниками русских на Урале: по легенде, они и Ермака провели в Сибирь. Но когда на реке Чусовой русские стали строить заводы, вогулы, лишаясь своих угодий, уходили на север. Согласно «народной метафорике уход с земли – это уход под землю, гору, в камень» [17, с. 144-146]. Так, например, богатыри народа коми Юкся, Пукся, Чадз и Бач согласно легендам, вместе со своим народом ушли от врагов под землю. Кроме того, в Азов-гору уходят герои Бажовского сказа «Дорогое имечко»; в горе Полюд (северное Прикамье) укрывается чердынский богатырь Полюд [17, с. 144-146]. В частности, Н. П. Белдыцкий в рассказе «Очерки Вишерского края» опубликовал топонимическую легенду о Полюде, который «ушел в гору»: «...давно, при старых царях, краем владел чудской народ, который не имел жилищ и жил в пещерах. Потом появились русские, и у них началась жестокая борьба с чудью. Но чуди было много, а русских мало. На помощь русским пришли богатыри. В памяти вишерцев остались имена двух богатырей – Полюда и Пели. Каждый из них жил одиноко, первый обитал на камне того же имени – Полюд, а другой – на Кваркуше, а по другим версиям – на Колчимском... Но вот начали переводиться на русской земле богатыри, отошла им пора и на Вишере (по-вогульски Пассер-я). Вошли вишерские богатыри в свои камни со своими сокровищами. Тогда же прекратился рост камней, и остались они такими, какими их можно видеть теперь». Получается, что в легенде отражено формирование Уральских гор... Про этих богатырей есть и другой сюжет преданий. В одном из вариантов этой легенды говорится, что спящий Полюд охраняет спрятанные в горе богатства (драгоценности) [24].

Впрочем, уход вогулов, «старых людей», считает А. В. Иванов, даже более масштабен. Писатель делает вывод, что его можно уподобить уходу Чуди Белоглазой, похоронившей себя под землей [17, с. 144-146]. И вот что любопытно: «Чудь белоглазая, как мифологический персонаж, встречается в фольклоре коми и саамов, а также манси, сибирских татар, алтайцев и ненцев. Согласно поверьям, легендарная чудь белоглазая обитала на севере европейской части России и Приуралья». В легендах об этом «племени фигурируют описания, как о людях невысокого роста, которые обитают в пещерах и глубоко под землей. Судя по преданиям,

встреча с представителями чуди белоглазой, которые иногда появлялись ниоткуда, выходили из пещер, появлялись в туман, могли приносить одним удачу, а другим – несчастье». Разве не напоминает это некоторые сюжеты бажовских сказов? «Чудью» – чужими, чудными людьми», – пишет д. и. н. В. Я. Петрухин, – «в Древней Руси именовались финно-угорские народы, прежде всего предки эстонцев, с которыми первыми встретились новгородские славяне, заселявшие Восточную Европу» [37, с. 8]. Историк и краевед, специалист по истории Урала А. А. Дмитриев «...определяет понятие о чуди у русских колонистов так: все чужое, чудное, не свойственное русскому именовалось ими чудным, чудским, так что под понятием слова Чудь нужно разуметь не одну народность, а всех иноплеменников, населявших тогда нынешнюю Пермскую губернию». К таким же выводам пришел в своей монографии о „пермяках" (Пермяки: историко-этнографический очерк, 1891) и профессор Иван Николаевич Смирнов, подразделивший чудь на угорскую (остяков и вогулов) – манси и финскую (вотяков, пермяков и зырянов) – коми» [21, с. 49-56].

«Много веков назад Урал населяли на севере – вогулы (манси), ханты (старое название «остяки», «югры», «угры»), ненцы, а Средний и Южный Урал – башкирские племена. Легенды, мифы, сказания уральского края связаны с обычаями, традициями, образом жизни этих народов». «Мифологические представления финно-угров сформировались в эпоху их общности» (примерно III – II тыс. до н.э.) утверждает М. А. Казимова. В результате различных верований, «еще в глубокой древности сложились у людей представления о том, что подземные богатства охраняют чудесные существа». Анализ показывает, что согласно древним религиозным представлениям о наличии у человека, животных, растений и предметов независимого начала – души, духи природы способны принимать облики самых разных зверей, птиц, насекомых и т.д. [43, с. 24-30]. Вплоть до начала XX в. среди мордвы были широко распространены ранние формы религиозных воззрений, которые включали культ предков (почитание умерших сородичей появляется в период распада первобытных отношений и связан с патриархальной структурой общества) и веру в божества, олицетворяющих различные природные явления. Эти божества представлялись как в человеческом, так и в зверином облике, а также

в виде растений или полулюдей-полузверей, что являлось отголоском более древних тотемических и анимистических представлений» [1, с.7]. Среди многочисленных духов, в которых, например, верили финны, выделялся целый мифический народец – маахисы ((«жители земли») – может отсюда и пошло имя Малахитницы?), маанвэки («земной народ»), мааналайсы («подземные»). Финны считали, что они похожи на людей, но безобразны, хотя могут иметь красивых дочерей. И верили в то, что Маахисы принимают вид ящерицы, горноста, кошки и других животных. Таким образом, по мнению финнов, они и населяли, помимо подземного мира, леса, горы, холмы, пустыри. Кроме того, Финны утверждали, что путь в их мифическую страну ведет по муравьиным тропам, через озера и источники... Карелам и финнам (как и прочим финно-угорским народам) известны были также многочисленные низшие духи — хозяева (халтья, халдья) стихий (земли, воды) и природных урочищ – лесов и гор («хозяева» обитали внутри гор и скал) [37, с.17-18] ...

Обширный материал, посвященный горным духам, был собран в 1923-1925 годах исследователем и фольклористом А. Мисюревым. В основном туда вошли рассказы бывших рабочих золотых приисков Горной Шории. Те рассказывали, что до революции Горного хозяина поминали в этих краях даже чаще, чем Бога. Так и говорили чуть что: «Накличете Горного!» Шорцы почитают Хозяина гор – с зелеными волосами, такими же глазами и в каменных сапогах. О встрече с ним рассказывается в легенде о Железной горе (Темиртау). В подземный дворец Хозяина гор попал однажды бедный охотник и был одарен полным мешком драгоценных камней. И был среди них один совсем неприметный камень – тяжелый и бурый. Решили его испытать огнем, бросили в жаркий очаг, и потекла вдруг из раскаленного добела камня огненная жидкость. Застыв, она превратилась в твердый и ковкий металл. Так было открыто железо [42]. «Образ хозяина гор в горно-рабочем фольклоре имеет различные варианты: Горный дух, Горный старец, Горный хозяин, Горная матка, Каменная девка, Золотая баба, девка Азовка. Все эти фольклорные персонажи являются хранителями богатств горных недр». Между тем в горняцкой среде подобные образы тесно связаны с символикой металлов и минералов, земли и огня [43, с. 24-30]. М.П. Никулина считает, что «у людей, работающих в горе, в самом прямом смысле слова, своя точка зрения на мир: мы под Богом

ходим, они – под землей» [32, с. 3]. Отмечено, что «в сказах Бажова не только отразилась тяжёлая жизнь горняков, но и их понимание “земных чудес”, их мечты о других условиях жизни, мечты о вечной справедливости, которую олицетворяла для них Хозяйка Медной горы». Несомненно, сюжет о тайных знаниях – один из самых любимых в народе. А персона хранителя этих знаний во все времена была почитаемой и вызывающей полное доверие. Есть все основания полагать, что как раз «мечты «первых добытчиков» и облекались в кладоискательские сказы, в которых говорилось о несметных сокровищах уральской земли, не только уже открытых, но и главным образом о тех, какие еще не найдены и хранятся в недрах гор, охраняемые «тайной силой»: девкой Азовкой, Малахитницей, гигантским змеем Полозом и его дочерями Змеевками. В них говорилось и о «первых добытчиках», которым таинственные хозяева гор приоткрывали путь к руде, к золоту, а также о прославленных мастерах, что «секрет» знают...», опытных бывалых горщиках, что умеют «видеть нутро земли», и находить «знаки земных сокровищ». Бажов объяснял, про что его сказы: «про старинное житье и про тайную силу». Но, по мнению М. П. Никулиной «тайная сила в рабочий фольклор никак не вмещается: ранг не тот. И тайная сила – это не только Хозяйка, она многолика, необъятна и непостижима» [32, с. 3, 5].

В мифах, а тем более сказах, можно обнаружить прообраз, «дух местности», к которому наиболее восприимчив народ, проживающий на этой территории [8]. Как бы ни был легендарен образ Хозяйки Медной горы, но многие специалисты считают происхождение его, скорее всего традиционным – от обычного мелкого «духа местности» ... «дриады камня» [17, с. 148], в данном случае – божество Гумшевского месторождения, также известного как «Медная гора». Бажов косвенно подтверждает это, поясняя в сказе «Дорогое имечко», что у «старых людей» «...самоглавная пещера в Азов-горе была» (То есть, по-настоящему «великий» дух обитал не в Медной горе, а в Азов-горе.). Кстати «на Азов-горе находилось языческое святилище народности манси». Именно «Духи местности» составляют численную основу любого языческого пантеона, и мансийский – не исключение. В качестве аналогии можно привести некую «Деву» Дивьего камня на реке Колве в северном Прикамье – тоже «наследницу» забытого финно-угорского

мифа [17, с. 148]. В охотничьих легендах, записанных этнографом и фольклористом Н. П. Дыренковой в Алтайском крае, также фигурирует Хозяйка горы. По мнению Иванова «Хозяйка» вогулов в сказах Бажова неузнаваемо русифицировалась, обрела «палаты» в духе русского терема.

По другой версии, принятой в ученых кругах, образ «Хозяйки» стал результатом преломления в сознании простого народа клейма с изображением Венеры, которая ставилась на медь, выплавленную в Полевском заводе Сысертского горнозаводского округа [20]. Кроме того, «еще существует две ипостаси «Хозяйки» – олицетворение «земли-матери» и персонификация рока». Женские персонажи в сказах Бажова вообще нередко выступают в качестве олицетворения судьбы [10]. Однако на этом мифологические и реальные корни легенды о Малахитнице не заканчиваются, а лишь начинаются [20] ...

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что «интересная и загадочная легенда о том, кем же являлась «Хозяйка» на самом деле, имеет куда более глубокие корни. Некоторые специалисты считают, что вопрос «о сакральном символизме Хозяйки Медной горы и ее атрибутов достаточно сложен и имеет несколько уровней постижения». Они утверждают, что даже если ограничиться одними лишь символами, связанными «с ключевыми понятиями», то уже здесь «обнаруживаются поразительные параллели и взаимные соответствия исходных мифологем». Например, из древнегреческого мифа о Данае известно, что аргосская царевна была заточена своим отцом глубоко под землей в медном дворце, куда к ней и проник Зевс в виде золотого дождя. Налицо символическая триада – «медь – золото – подземный мир», легко и органично проецируемая на владения Хозяйки Медной горы». «Образ Хозяйки Медной горы», – пишут исследователи, – «восходит и к общемировой мифологеме Великой Богини-Матери... Сразу напрашивается аналогия между носительницей малахитового одеяния и Зеленой Тарой – одной из двух главных ипостасей «ламаистской богородицы», сердобольной спасительницы, заступницы и утешительницы, которая восприняла многие черты древней Великой Богини. Понятно, что Хозяйка Медной горы объявлялась на Урале повсюду, а не только в Сысертском горнозаводском округе. И известна она повсюду, где есть горы (и даже где их нет)». «Ибо образ Хозяйки

горы», – считают многие ученые, – «не специфический уральский феномен, а явление общемирового порядка. Сквозной линией и в различных своих ипостасях проходит оно через разные исторические эпохи и вехи мировой культуры». «Подчас мифологема визуализируется», – утверждают ученые, – «в самых неожиданных обличьях, не сразу узнаваемых под завуалированными временем личинами». Взять, к примеру, драматическую поэму «Пер Гюнт» великого норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906), целиком и полностью построенную на материале норвежского фольклора. Обширный эпизод здесь происходит в глубокой горной пещере и связан с историей дочери Горного короля – безымянной Зеленой принцессой, по статусу своему, как и ее отец, являющейся Хозяйкой гор. Между прочим, мотивы, сходные с уральским и европейским фольклором, можно при желании обнаружить в весьма отдаленных странах, например, в Бразилии, где бытует легенда-сказка «Договор с ящерицей». Здесь тоже присутствует волшебница из глубокой пещеры, могущая обернуться то безобразной старухой, то соблазнительной девушкой, а то и ящерицей... А в Японии знакомые черты Хозяйки Медной горы обнаруживаются у богини священной горы и символа Страны восходящего солнца – Фудзиямы. Имя подземной владычицы, живущей в глубокой пещере вместе с драконом, – Сэнгэн-сама. В японских средневековых легендах рассказывается о встрече с ней самурая Тадацунэ. В отдельных моментах это повествование напоминает сюжеты бажовских сказов, – подводят итог исследователи [42]. Некоторые специалисты находят аналогию с уральскими сказами в мифах Шумера и Вавилона. Дмитриев пишет, что «богиня Нин-кур-саг острова Дильмун, мигрировавшая в Месопотамию, и по этимологии наименования (это титулатура (официальное именование титула какого-либо высокопоставленного лица), где "Нин" можно перевести как "хозяйка", а "кур" – гора) и по функциям в титульном этносе напоминает образ Хозяйки медной горы». Литератор Мара Рушева считает, что «древние традиции, шедшие по миру тысячелетними путями из Месопотамии и Средиземноморья, добрались до Урала и адаптировались к местной "истории с географией", что может быть прослежено в уральских сказах П.П. Бажова». «...Кстати», – пишет Рушева – «богиня – "ящерка" характерна для месопотамского искусства Убейды» (конец VI – первая половина IV тыс. до н.э.). Кроме того,

«некоторые черты Хозяйки Медной горы сходны с чертами скандинавской ваниессы Фрейи (плач золотыми слезами, присутствие кошачьих, связь с Двуречьем, а также с драгоценными камнями и сокровищами, ставшими дочерними воплощениями Фрейи)». В сказах Бажова платье Хозяйки Медной горы могло меняться: «То оно блестит, будто стекло, то вдруг полиняет, а то алмазной осыпью засверкает либо с красна медным станет, потом опять шелком зеленым отликает». Что, по мнению М. А. Рушевой «также придаёт сходство с критской «Богиней со змеями» в её многоцветном платье с желтым отливом» [39]. «Бажовская Хозяйка», – анализируя этот образ, пишет Никулина, – «встает из темноты Тартара и Аида (Тартар, в древнегреческой мифологии – глубочайшая бездна, находящаяся под царством Аида – бога подземного царства мертвых) в малахитовом платье и русском кокошнике и ее величественное поведение спокойно увязывается с русскими обычаями и поверьями: гостя встречает, угощает по русскому обычаю...» [32, с. 5].

По версии же многих современных ученых, «Хозяйка Медной горы – это легендарный идол Золотой Бабы, которой поклонялись с древнейших времен местные племена вогулов и которую жаждали получить все, кто приходил на Урал». Такой же вывод делает психолог, научный сотрудник кафедры МТ и АИ МУФО Вероника Воронова. По ее мнению, «в сказах Бажова прослеживается влияние картины мира древних финно-угорских племен, предков вогулов, живших на Урале задолго до появления русского населения», так как «верховную богиню угров знали под разными именами: Сорни-Эква (буквально «золотая женщина»), Сорни-Най, Калташ-Эква, Йоли и др. У вогулов имя ей было Калтась», у зырян Юмала. «У коми-зырян – Зарни Ань. Нередко Зарни Ань отождествляют с известной по фольклору коми-зырян и коми-пермяков персонификацией зари – Зарань или Шонді ныв «дочерью солнца»» [15]. Между тем «этимологию Зарани нередко связывают с русским заря и коми-зырянским ань «женщина», которая не представляется, однако единственно верной» [12]. Нельзя исключать также объяснения происхождения имени Зарани от названия золота. «При принятии второй версии можно предположить, что имя Зарань, вначале означавшее просто «золотая», впоследствии в коми языке претерпело вторичную этимологизацию, как: зар(я) (<рус.) + ань «женщина», по аналогии с женскими именами, имеющими конечную форманту -ань,

и стало восприниматься как «заря-женщина» (сравните: заря-заряница, красная девица в русском фольклоре)» [12]. Учёные считают, что для отождествления образов Зарни Ань и Зарань есть веские основания. Вполне возможно, что предки приуральских народов (ханты, манси, коми) действительно поклонялись солнечной Золотой бабе [15].

Однако И. А. Мудрова в «Словаре славянской мифологии» указывает, что Золотая Баба существовала и у славян, и являлась одной из самых древних славянских богинь. Ее культ со временем сильно менялся, но сущность ее почитания сохранялась во многих вариантах, поскольку ее сфера находится в основе всей жизни человечества. Это богиня тишины и покоя, домашнего благополучия, покровительница повитух, повивальных бабок, помогающих женщинам разрешиться от бремени, а также и всех женщин – созидательниц, тружениц, хранительниц счастья. Ей кланялись в землю и тем надеялись ее умиловить. В жертву ей приносили соболей да куниц, одевали ее в их шкуры. Между тем даже чужестранцы, верившие в иных богов, не скупилась для нее на золото, серебро и меха, ибо не принесший жертвы Золотой Бабе непременно должен был заблудиться в пути [30]. Во всех славянских землях «Золотой бабой» именовали «Богиню-мать», что подтверждает славяно-уральские истоки легенды, отмечает корреспондент газеты "Комсомольская правда" Андрей Моисеенко [29]. Писатель и переводчик М. И. Попов подчеркивает, что Золотая баба – богиня некоторых славян, считалась у них матерью богов. Подтверждением выше сказанного можно считать утверждение доктора философских наук В. Н. Демина, что «даже без скрупулезного анализа понятно: первоначально Великая Богиня-Мать совмещала в себе все функции, присущие владычице. Затем они дифференцировались и были делегированы другим божествам, как правило, являющимся детьми или внуками общей матери (бабушки)» [14, с. 39].

Возможно, в легендах о «Золотой бабе» присутствуют и отголоски преданий о великой и всепобеждающей Ладе, которая является «женской проекцией Рода» и «высшей творческой ипостасью Родника Вселенной». Эту богиню «древние арии называли Матерью Мира» ... Было установлено, что «Лада – единственный персонаж русской мифологии, который напрямую именуется матерью». По мнению

д. физ.-мат. н., писателя А. А. Абрашкина «богиня Лада – это Мать сыра земля. Эпитет «сырая» богиня земли носит только в русской мифологии. При этом имя богини не называется». Мать сыра земля – самый важный персонаж в славянской мифологии с праславянских времен, отмечает И. А. Мудрова. В связи с тем, что язычники обожествляли природу, им необходимо было олицетворять в образе человека «самые главные жизненные силы, и они представляли Мать сыру землю человекоподобным существом» [30]. Томский ученый-писатель-путешественник, исследователь Югры Г. А. Сидоров предполагает, что в древности на территории Сибири жили сибирские русы – красивый рослый голубоглазый народ – наследники выходцев из Арктиды. У них то и были свои славянские боги. Сидоров в своей книге «Тайная хронология и психофизика русского народа» повествует: «Золотая статуя Великой Лады, которая украшала основное её святилище на Ладоге, как утверждает русская ведическая традиция, была изготовлена ещё в Ориане-Гиперборее, и её, около 40.000 (сорока тысяч) лет назад, перенесла с медленно умирающей Орианы на Таймыр первая волна переселенцев. О времени исхода руссов («от великих холодов») на юг говорит и «Велесова книга». Впоследствии, утверждает Георгий Алексеевич, «несколько веков золотое изображение богини Лады переносилось» волхвами-хранителями и «языческими народами Урала и Сибири на восток», всё дальше и дальше от капища к капищу. «Странствия Золотой Бабы проходили сначала по пермской земле, потом по таежным урочищам вогулов (манси) и хантов», пока, наконец, «хранители-ханты не поставили его на место в подземном гиперборейском храме. Возможно, Великая Лада «ушла» на восток тем же самым путём, каким её золотое изображение пришло с Востока на берега Ладogi». По версии Г. Сидорова богиня Лада прибыла в верховья Енисея на плато Путорана, точнее в один из его подземных городов. И действительно на старинных картах Московии близ устья реки Оби часто встречается надпись: «Золотая Баба». Иногда надпись сопровождает рисунок прекрасной женщины, которой поклонялись народы Севера [16]. По слухам, в 1930-х годах Золотая баба находилась в тайном святилище казымских хантов (проживают в бассейне р. Казым и её притоков, на прилегающем к устью Казыма правобережье Оби), в 1961 г. – в Югории (земли сев. части Европ. России и Зап. Сибири [33]).

Кстати многие, в качестве последнего пристанища Золотой бабы традиционно называют три отдаленных, труднодоступных уголка России: низовье реки Оби, верховья Иртыша в районе Калбинского хребта и непроходимые ущелья гор Путоран на полуострове Таймыр [16] ...

Согласно финно-угорских легенд, «косы богини, тяжелые и толстые, как железные цепи, спускались с небес до самой земли. В мифологии манси коса божества означала устойчивую связь между разными сферами мира». Как отмечает Воронова, и «у Хозяйки Медной горы красивая иссиня-черная коса». Кроме того, Золотая баба – «верховная богиня наделяла новорожденных людей душами, при чем угры верили, что души могут принимать облик жука или ящерицы» и вероятно, поэтому убивать ящериц в народе нередко считалось грехом; «при этом женской считали зеленую ящерицу, а мужской – серую». Угры верили, что «в ящерицу могла превратиться и сама богиня». Так же и «Хозяйка Медной горы часто показывалась людям в виде огромной ящерицы. Ее свита – разноцветные ящерки, которых Малахитница зовет то своим войском, то слугами, то детками» [8].

Интересно, что «в мистических учениях, к которым принадлежит и шамаизм, с присущими ему тотемами, ящерица всегда упоминается как «спутник шамана». Сама по себе как тотем, она несет много разнообразных магических качеств, она – полезный тотем. Считается, что наиболее эффективен такой тотем для женщин». Так, например, в Голландии ящерица являлась символом прорицания и тайной женской мудрости. Кстати на Урале из всего многообразия видов ящериц (свыше 4300) обитают, только, три из них: живородящая, прыткая и веретеница ломкая (или медяница). Второе название – «медяница» было дано этой ящерице из-за бронзового или медного окраса, который нередок у представителей этого вида, а еще у нее имеется рисунок на голове в виде короны... Любопытно, что на Таити согласно поверьям «ящерицы живут в тех местах, где зарыт клад, сокровища или просто пласты золота, поэтому ее называли символом богатства и роскоши». Вот и Малахитница является владелицей медных копеек, хозяйкой самоцветов и всего подгорного мира, а это, по мнению фольклористов, например, В. Я. Проппа, делает ее повелительницей царства мертвых, а людей, пришедших к ней сквозь камень – покойниками. Но согласно

верованиям древних угров, она не только отбирала жизни, но и давала их [20].

Известно, что женские образы присутствуют в верованиях всех народов мира, и нередко женские духи бывают злыми и коварными [14, с. 39]. Так, например, женские божества преобладают в мордовских верованиях, в том числе Масторава (мокш., эрз. мода – земля; мастор – земля, край; ава – женщина, мать) – божество земли, края и подземного мира [1, с. 7]. Следует подчеркнуть, что главные качества у бажовской Хозяйки Подземного царства – суровость и справедливость, благосклонность к добрым людям и безжалостность к злым [14, с. 2]. «Образ Хозяйки Медной горы был подробно проанализирован» фольклористом, д. филол. н., профессором В.В. Блажесом, который, «характеризуя ее как «владелицу земных богатств, хранительницу тайн прекрасного и секретов высокого мастерства», вместе с тем отмечал, что в «Хозяйке сосуществуют, составляя ее сущность, доброе и злое, живое и мертвое, возвышенно-прекрасное и низменно-отвратительное, то есть Малахитница – это типично амбивалентный образ» [8].

В.Я. Петрухин в своих изысканиях делает вывод, что «славяне, встретившиеся с финно-угорскими племенами на севере Восточной Европы, довольно быстро познакомились с их «чудскими» верованиями и богами. Эта встреча двух культур привела к взаимодействию разных традиций, так что зачастую бывает непросто отделить в фольклоре исконно «чудские» черты от исконно славянских» [37, с. 8]. В связи с этим можно предположить, что в образе «Хозяйки» переплелись отголоски легенд о древних богинях славян, которые русские люди, пришедшие на Урал, принесли с собой и преданий о верховной богине финно-угорских племен, которые бытовали у коренного населения...

Однако есть различия в версиях о том, из какого материала была сделана статуя Золотой бабы. Некоторые научные работники полагают, что носить «малахитовое платье» могла лишь медная статуя, покрывшаяся патиной. И на это же указывает «Медная гора», а также записи многих летописцев, не говоривших, из какого материала сделан идол Золотой бабы, поэтому вероятно, что в данном случае золотой она была лишь иносказательно [20]. Известно, что «начищенная медь» сверкает на солнце, а потом «гаснет» – покрывалась окислами. Существует мнение, что «отсюда и пошла вера в Хозяйку медной горы,

которая надевала зеленое платье с позолотой и владела зелеными минералами».

«Читая сказы Бажова», – пишет инженер-металлург О.А. Шумков, – «я заметил, что любимые минералы автора и его героев все зеленого цвета... Не потому ли, что, как пишет академик А.Е. Ферсман: "Славу русских камней составляют зеленые камни. Нет другой страны в мире, где были бы столь разнообразны камни зеленых тонов."» [46] Следует подчеркнуть, что «об интересе Бажова к минералогии говорит наличие в его библиотеке таких книг, как «Самоцветы Урала» (1937), «Богатства Урала» А. Ферсмана (1944), «Что должен знать турист, краевед и охотовед для выявления минеральных богатств своего края» А. Невского (1931) и др.» [38, с. 219–221].

Н.А. Швабауэр делает вывод, что цвет одежды персонажей легенд характеризует тип добываемых в регионе металлов и камней. Как правило, у старателей персонажи предстают в разноцветном одеянии. Желтый символизирует золото, белый – платину, красный – медь, зеленый – малахит и т.д. Горные духи шахтеров одеваются в черное (уголь). Вообще, цветовая символика является очень важным компонентом в описании персонажей: золотой (и его семантические эквиваленты – красный и желтый), а также серебряный (белый) выступают не только признаком наличия на данной территории драгоценных металлов, но и качественной характеристикой «мира чужих», к которому принадлежат таинственные горные существа. Солярно-лунная символика – печать «инога царства», что подчеркивал еще филол., фольклорист В.Я. Пропп. «Золото и пурпур призваны также подчеркнуть богатство и власть подземных властителей, излишняя белизна или зелень – их инфернальность (демоничность), мертвенность, а пестрота – изначальную нерасчлененность хтонического» – дикую природную мощь земли, относящуюся к подземному царству. Считается, что черная одежда шахтерских духов символически указывает на связь сверхъестественного существа с землей [44, с. 273].

Как показал анализ «одни и те же фантастические существа получают разные названия в соседних регионах, или наоборот, несколько демонологических персонажей носят одно и то же имя, хотя и различаются функционально» [44, с. 273].

Между тем В. Воронова обращает внимание на то, «что информационное влияние образа Хозяйки Медной горы очень велико! Речь, конечно, должна идти о распространении не только персонажа Хозяйки Медной горы, но и других значимых волшебных героев Бажова: Великого Полоза, Серебряного копытца, Синюшки, Огневушки–Поскакушки, но Хозяйка Медной горы определенно занимает первое место в этом ряду» [8].

В результате многочисленных исследований установлено, что не менее важным с точки зрения исторических и мифологических основ сказов П.П. Бажова является исполинский Змей – Великий Полоз, властитель гор и золотых жил. «Культ змеи имеет очень глубокие корни и широкое распространение». Сказания о таких змеях распространены по всему земному шару и известны, начиная с глубокой древности. В мифологиях почти всех народов змея — «символ изначальности и это древнейший и загадочный феномен психологического бытия человека».

Некоторые из подобных волшебных пресмыкающихся считаются первопредками и родоначальниками целых народов [14, с. 12]. У всех поволжских финнов, известно, что «...змеи и лягушки — это «гады», хтонические существа, связанные с преисподней. Они и отождествлялись с предками — ведь они тоже были выходцами с того света (тона чи, или тона ши у мокши) и покоились в земле». Вид змеи, например, в финских поверьях, часто принимал домовый дух, финны верили, что при таких змеях всегда хорошо плодилась скотина [36, с. 18]. Между тем «в представлении марийцев», по наблюдениям Ю. А. Калиева, «культ змеи пронизывает широкий круг предметов и явлений, как природы, так и социальной жизни». Известно, что «у марийцев существовало поверье и о домовый змее – сурт кишке – воплощении духа предка, основателя усадьбы, обитавшем в каждом доме в облике змеи». Марийцы считали, что змей является владельцем здешних мест и существует на самом деле. Манси называли змея «ялпин уй» – «священный зверь» и верили, что он бессмертен и превращается в аммонит [34]. К примеру, «у нанайцев есть предания о дябдяне, существе, похожем на удава». Возможно, что это амурский полоз или «полоз Шренка, названный так по имени исследователя Амурского края Леопольда Шренка». Коми считали, что «гады и ящеры обитают под землей...Часть ящеров видна и людям, они путешествуют между мирами, другая же часть видна

только знающим». Они верили, что «скрытые ящеры могут двигать горы...» [27]. Живущие на земле и под землей змеи в мифах и верованиях некоторых народов считались существами, охраняющими вход в подземное царство. В этой ипостаси они ассоциируются с тайной мудростью и священными обрядами, но также имеют и другое, более зловещее значение [22, с. 37]. Согласно мифам обских угров «сам орел обращался за советом к мудрой хранительнице земных тайн – змее», а человек, «съевший порошок из высушенной змеи, получал дар предвидения». «Изображения орлов и змей в уральском регионе датируются ранним железным веком» [26]. Дмитриев считает, что даже «у вавилонян образ змея имеет сходство «с уральским: «Великим Полозом» [39] ... Некоторые фольклористы утверждают, что в литературных сказках Бажова, основанных на Уральских легендах, «развивается тема пещерного мира, населенного волшебными змеями. Некоторые из них враждебны, а некоторые могут быть дружественны человеку». К примеру, в славянской сказке «золотая гора в своей верхней части – это пространство богов, то нижние миры (пещеры в основании Меру) связаны с образом змеиного царства». И в «Ведах также описан план бытия, именуемый нага-локой – цивилизациями разумных змей, живущих в пещерах под землей. Наги обладают способностями изменять облик и другими мистическими силами. Иногда их мир отождествляется также с подводным царством. В «Махабхарате» описывается, как герой Арджуна проникает в иной мир, погрузившись в воду, чтобы совершить омовение и берет в жены Улупи – царицу нагов, привлеченную его красотой». Помимо погружения в воду, другими способами перехода в подземный мир является вход в пещеру или прыжок в колодец. Эти мотивы нередки и в русских волшебных сказках. Время в этих мирах течет с другой скоростью. Один день присутствия там часто равен многим десяткам земных лет. «Долго ли, коротко ли» длится путешествие – сказать нельзя. Это не подземелья в привычном нам понимании, а иные измерения бытия, вход в которые может быть в самых разных «скрытых» местах» предполагают эксперты. Анализируя мифологические представления о змее, славинист Н. Н. Велецкая отмечает: «В сложнейшем, всё еще не вполне раскрытом образе Змея следует особо выделить такие мотивы как метаморфозы: связи с миром предков, с космическими представлениями о «том свете»;

сверхъестественные способности, в особенности умение становиться и человеком, и змеем; внешние атрибуты того и другого; мотив огненной природы» ... [7, с. 25]

Среди сказов П.П. Бажова есть два связанных с башкирским фольклором. Это – сказы "Старых гор подаренье" и "Золотой Волос". В последней легенде действуют все тот же Хозяин земных недр – Великий Полоз и его дочь по прозванию Золотой Волос, наделенная даром волшебства и прорицания [14, с. 40]. И вот что любопытно: близлежащие к Сысертскому горнозаводскому округу челябинские озера все сплошь были «населены» гигантскими змеями, например, в озере Иткуль «живет» «Аджарха» (по верованию башкир обыкновенная змея, прожившая до 500 лет, называется аждаха). Поверив легендам, натуралист-зоолог Л. П. Сабанеев в 1870 году даже приезжал искать этих змеев [18, с. 75].

Известно, что гигантские змеи присутствуют так же и в древнерусском фольклоре [18, с. 75]. В славянской мифологии присутствует Ящер – это Бог-Змей [40]. О божестве Ящер (Змее) написано в летописях, а также у историка Б. Рыбакова, писателя Афанасьева А. Н., «описание требы Ящеру сохранено в «Беседе Григория Богослова об испытании града» (от XI века), «Записках о Московии» (от XVI века)» [30]. На Руси Змей считался повелителем всех ползучих гадов и жил под землей [20]. Согласно преданиям, северные славяне поклонялись Змею – владыке подземных вод, называя его Ящер. Отмечается, что владыка подземного и подводного мира – Змей считался самым грозным из хозяев [30]. Как показал анализ, родословная Бога неоднозначна, но в большинстве случаев и в найденных исторических хрониках указывается, что он является сыном Матери Сырой Земли и братом (или сыном) Кощея – Бога навного Мира (навь – в славянской мифологии воплощение смерти). На протяжении многих эпох было среди людей поверье, что драгоценные камни – это окаменевшая слюна, либо слёзы Дракона – Змея из Земли. Во многих мифологических текстах Змей также мог упоминаться не только как разрушительная сила, но и как сила хранящая. На основании проведенных специалистами исследований, можно сделать вывод, что Ящер (Змей) всегда слыл именно стражником несметных сокровищ и богатств, хранителем земных сил, а не их пользователем [40].

В сказах П. П. Бажова упоминается Змеиная горка имеется Змеевая гора между Дегтярском и Ревдой; Змеиная горка или гора Высокая – возле д. Бол. Седельниково (Сысертский район), а праздник Воздвижения Креста Господня (14/27 сентября) назван Змеиным праздником [18, с. 75]. Немало легенд сложено жителями Косого Брода об огромном змее, который, как утверждают, действительно когда-то водился в окрестных лесах и его неоднократно встречали здесь местные жители [5].

Кандидат филол. н. Н. А. Швабауэр пишет, что «образ Полоза выписан П. П. Бажовым в полном соответствии с фольклорной традицией, подтверждением чему является не только широкое бытование представления о гигантском змее в горняцкой среде Среднего Урала, Башкирии и Алтая, но и наличие типологически сходных персонажей в поэтическом творчестве горнорабочих Западной Европы» [43, с. 24-30].

Кроме того, «согласно первой ипостаси, гигантский Полоз решил опоясать землю, однако остановился у порога Северного-Ледовитого океана, а затем и окаменел, превратившись в Уральский хребет: его кровь стала нефтью, а внутренности – полезными ископаемыми» [20]. Интересно и то, что уральский поделочный камень серпентинит в народе называют змеевиком. То есть змея – ещё и житель каменных недр. К тому же и медь, окисляясь, становится зелёной, и малахит – зелёный, и изумруды – зелёные. В мифологическом сознании змея с её «каменной» окраской, любовью к горячим камням, умением прятаться в расщелины или замирать неподвижно, как каменная, больше ассоциировалась с минералогическим царством, чем с царством растений и животных. Змеи и ящерицы даже в природе связаны с золотом, так как, греясь на камнях, выбирают такие, где высока примесь кварца, а кварц легче раскаляется под солнцем. Кварц же часто сопутствует месторождениям золота. По мнению А. В. Иванова в христианской мифологии змей – символ зла, сатаны. Если в сказах змеи наделены другим значением, значит, происхождение их образов не христианское, не русское, а языческое – в данном случае вогульское, считает Алексей Викторович [18, с. 75].

В. В. Шуклин отмечает, что «известен сюжет о войне Полоза с муравьями, которые победили его вместе с войском, а дворец разнесли по золотой песчинке и зарыли их глубоко в землю» [45]. Отмечено, что на бляшках пермского звериного стиля очень редко, но присутствуют

«муравьеподобные» насекомые [17, с. 149]. Традиционно «в европейской символике и эмблематике <...> муравьи связаны с драгоценными металлами, им приписывается необыкновенная сила, благодаря которой они могут вынести на своих плечах груз золота» [28, с. 203]. Выявлено, что «у ряда финно-угорских народов известен обряд жертвоприношения лесным духам, совершаемый на муравейниках» [22, с. 43]. И если финны считали, что в страну мифического народа Маахисов («жители земли») можно попасть по муравьиным тропам [37, с. 17], то в Урала-Башкирском регионе муравьев относили к охранникам благородного металла. П. П. Бажов отмечал, что представление о «золотых таракашках» на Урале существует, и оно находит отражение в сказе «Жабреев ходок» [43, с. 24-30].

Еще один персонаж сказов – Серебряное Копытце – «козлик» — это косуля. Косуля – одно из самых красивых и изящных животных из семейства оленьи. В отдельных этнических культурах образ оленя символизирует вселенную и прародительницу племени – рогатую Мать-олениху. Это сакральное животное, убивать которое категорически запрещено [43, с. 24-30]. Предания о священном Лосе (Олене) зафиксированы у многих народов Дальнего Востока, Алтая, Сибири. Буряты, например, верили, что олень, когда трубит, произносит: «Тот, кто намерен убить меня, пусть не доживет до старости, тот, кто приходит слушать меня, пусть приобретет долголетие» [6, с. 76]. Один из мифов эвенов Камчатки, Колымы, Индигирки и Магаданской области повествует о том, что земля произошла из частей тела восьминогого оленя. По сходным верованиям тунгусских шаманов считалось, что их мифическая мать-прародительница имела звериную природу: лосихи или косули с восемью ногами [4]. Марал (алтайский олень), по тувинской мифологии, любимый зверь хозяина тайги [6, с. 77]. Как считают специалисты даже «венгерский народ, несмотря на то, что далеко ушел от своей уральской прародины тысячелетие назад, сохранил тысячелетний уральский миф о небесном олене – космический олень, тело которого воплощает Вселенную, а рога – ветвистое Мировое древо» [26]. В мифах Лось и Олень нередко взаимозаменяемы.

Н. А. Швабауэр утверждает, что в представлении славян-земледельцев козел является слугой водяного или домового, а рабочие называют его «демоническим духом металла», приписывая ему связь

с камнем [43, с. 24-30]. Но в Словаре славянской мифологии И. А. Мудрова отмечает, что из травоядных животных в охотничью эпоху у славян наиболее почиталась Олениха (Лосиха) – древнейшая славянская богиня плодородия, неба и солнечного света. В противоположность настоящим оленихам богиня мыслилась рогатой; ее рога были символом солнечных лучей. Поэтому олени рога считались мощным оберегом от всякой ночной нечисти и прикреплялись либо над входом в избу, либо внутри жилища [30]. В представлениях древних славян олень – стремительно убегаящая сущность, погоня за которой может привести как в высшие сферы, так и в подземный мир. Так бесконечная смена времен года породила образы черного и белого оленя – зимы и лета. Златорогий олень с белой шкурой – летнее небо с сияющим на нем солнцем [36]. К примеру, покровительство браку златорогого оленя и чудесное явление на свадебном пире, обещавшее молодоженам счастье и долгую семейную жизнь, отражены в народных сказках [31, с.161]. Черный олень – смерть, несчастье, долгие и лютые зимние холода [35].

А.В. Иванов же считает, что в Серебряном Копытце наиболее полно отразилась мифология финно-угров. И что «герой Бажова – русифицированная переработка Лося, которому поклонялись древние финно-угорские народы. На своих рогах Великий Лось нес солнце и не мог вступить на землю, потому что она была слишком скверной для него. Именно поэтому, призывая Лося, шаманы готовили серебряные блюда, чтобы тот мог встать на них. В блюда обычно складывали подношения великому духу: монеты и драгоценные камни. Отсюда и бажовский образ оленя, из-под копытца которого брызжут самоцветы» [18, с. 76]. В верованиях тотем — это обычно животное, обладающее магической силой, считается родоначальником племени. Так вот «тотем Косули гласит о том, что только доброта сердца и души способна разрешить все конфликты, наладить отношения и залечить все старые раны, обиды».

Есть мнение, что еще один персонаж сказов П. П. Бажова - Бабка Синюшка, родственник Бабе-Яге вышел из легенд Коми, в которых наиболее часто встречается образ колдуньи (ведьмы) Ёма, она помощница героя сказки и дарительница, а также его преследовательница. Под видом Ёмы (меняет облик, как и Синюшка) может появляться и невеста героя. Наиболее часто Ёма связана с нижним, иным или пограничным миром: живёт в лесу, на опушке, под водой, за рекой, на

берегу реки, вниз по реке [11]. «В одной из сказок Ёма (Жома) живет в подземном царстве. <...> В подземное царство можно пробраться и через колодезь» [13, с. 23–33].

Да, Синюшкины владения распространяются не только на земные недра, но и на водную стихию. Считается, что в том месте, где появляется Синюшка, «богатство положено» – это «полный колодец золота да дорогих камней». «Косвенным доказательством вогульского происхождения бабки Синюшки», – считает Алексей Иванов, – является Синюшкин колодец – «на поляне окошко круглое, а в нём вода, как в ключе». «Такое «окошко круглое» скорее всего – затопленная грунтовыми водами «чудская копь». А в копи и спрятано земное богатство» [18, с. 20].

Интересно, что временами бывает Бабка Синюшка даже в Иркутске. Не зря Синюшину гору там Синюшкой зовут. Контролирует Бабка и речку Синюшку в Алтайском крае [2] ... М. А. Рушева же убеждена, что Синюшка в образе «девицы несколько напоминает образ Марьятты из карело-финского эпоса «Калевала», руна 50» [39].

Существует вполне реалистическое объяснение имени – Синюшки: «Там, где залегают медные руды, в сырую погоду обычно появляется синеватый туман вязкий, тяжелый. Отсюда, надо полагать, и родилось прозвище "Синюшкин"». Есть версия, что «Бабка Синюшка – это персонификация болотного газа, который на Урале и называли «синюшкой»» [35]. Известно, что «Синюшка людям голову кружит да плутать заставляет. И этому есть вполне разумное объяснение: иногда болотные испарения творят с людским сознанием странные вещи».

По мнению Н. А. Швабауэр функцию пособника в разведке полезных ископаемых приобретает также кошка. В мифологии славян кошка божье творенье. И отношение к ней всегда было уважительное и почтительное. Это был символ мира и благополучия в доме, защищающий дом от нечистой силы. Считалось также, что кошки могли проникать в потусторонний мир и общаться с духами [22, с. 17]. До введения христианства на Руси наши предки почитали всемогущего Бога Навьевого царства, скота, богатства и всех лесных животных – Велеса. В славянской мифологии мохнатый кот верный спутник Велеса, который считается его священным животным, и с которым связано немало обычаев и обрядов. В мифологии Древней Руси кошка выступала

и в роли созидателя, и в роли разрушителя. В русских сказках, во многом вышедших из старославянских мифов, кошка – один из основных персонажей, причем едва ли не самый умный зверь. Также в славянской мифологии встречается Земляная Кошка (или Подземная Кошка) охраняющая клады [34]. И согласно преданиям русских золотоискателей, один из сторожей заколдованных кладов – кот; в их поверьях утверждается, что над месторождением золота можно увидеть привидение – рыжего кота. «Вот и появилась Земляная Кошка, которая живет в породах золота и огромная, как Зверь Мамонт». Однако «образ Земляной кошки возник в горняцких сказах опять-таки в связи с природными явлениями. Сернистый огонек появляется там, где выходит сернистый газ», и воспламеняется над поверхностью земли [20], он «... имеет широкое основание и поэтому напоминает ушко».

Как показал анализ, «в большинстве религиозных культов отмечена духовная сущность того или иного пернатого представителя, его связь с божественным». Кроме того, «традиционное мифолого-поэтическое сознание» связывает образы некоторых птиц с золотом. На Урале это в первую очередь образ филина [43, с. 24-30]. Было установлено, что Филин представляется неоднозначным персонажем в мифологии. Российский филолог, профессор М. С. Макеев указывает на то, что филин может выступать верным помощником и нередко является родовым тотемом, но в то же время некоторые исследователи связывают образ филина с шаманизмом таежных народов [25]. Следует вспомнить, что филин широко известен своими необычными свойствами: бодрствует только ночью, следовательно, связан с духами нижнего (мертвого) мира и является посвященным в тайны, скрытые для смертных. Появление филина, считает Н. А. Швабауэр, должно свидетельствовать о наличии поблизости сверхъестественных сил или подземных богатств [43, с. 24-30]. Филин, по данным И. А. Мудровой у славян – «совкин деверь», постоянный спутник лешего, сычи – его гонцы, сова же – советница лесного хозяина, птица мудрости, согласно народным поверьям, она сторожит клады [30].

«Народы, говорящие на языках уральской (финно-угро-самодийской) языковой семьи, населяют север Евразии от Фенноскандии до Таймыра. Известно, что «на протяжении тысячелетий уральцы вступали в многообразные контакты с индоевропейскими,

тунгусо-маньчжурскими, тюркскими, палеоазиатскими народами, в ходе которых происходило формирование исторических уральских народов, которые в итоге принадлежат различным этнокультурным ареалам» и представляют собой весьма специфичный «в евразийском масштабе спектр культур – от лютеранской западноевропейской финнов и эстонцев до сохранявшей до последнего времени классический сибирский шаманизм и архаичный хозяйственный тип охотников на дикого оленя культуры нганасан». Однозначно, что богатейшие и разнообразные религиозно-мифологические традиции уральских народов, сохраняющие древнейшую общеуральскую основу и «разновременные мощные напластования, представляют собой великое культурное достояние» [47, с. 4].

Мифология, утверждал Бахофен, есть изначальная, более великая и более важная действительность: лишь она может показать нам древние времена, и, хотя в мифах все переиначено, завуалировано, — они порождены реальной исторической эпохой и помогают реконструировать эту древнюю эпоху в тех ее фрагментах, где отсутствуют материальные археологические свидетельства [14, с.37]. Доктор философ. н., проф. Ю. А. Калиев так же делает вывод, что «миф можно охарактеризовать как исторически первую информационно-коммуникационную систему жизнеобеспечения первобытных людей», а «мифологическое видится как традиционный образ действительности в рамках других форм сознания». В своем первоначальном виде мифы не сохранились. Однако многие из них нашли отражение в эпических сказаниях славянского фольклора. В эпоху двоеверия христианство и язычество не столько боролись друг с другом в народном сознании, сколько взаимодополнялись, благодаря чему славянская культура стала столь своеобразной и богатой», – подводит итог в своем «Словаре» И. А. Мудрова [30]. Подтверждая это, исследователь славянских обрядов Н. Н. Велецкая, пишет: «При изучении отражения явлений языческого мировоззрения и ритуальных действий, с ним связанных, особенно важно иметь в виду положение о слоистом строении их, о сочетании древнейших пластов с более поздними и современными, зафиксированными в источниках» [7, с. 8]. Так «условия Урала, Сибири и других мест, где рабочие жили в окружении суровой и дикой природы, привели к возрождению языческих верований», что и отразилось в местном

фольклоре. Н. А. Швабауэр в своем труде «Типология фантастических персонажей в фольклоре горнорабочих Западной Европы и России» отмечает, что «в основном, животные играют роль охранников благородных металлов. «Хозяева гор», которые олицетворяют почитание горы как сакрального центра, источника жизни и благосостояния племени, очень популярны у аборигенов края. Духи в фольклоре горняков выступают подлинными «хозяевами земли», распоряжающимися ее недрами и влияющими на судьбы людей. Нередко удачливость человека, его психическое здоровье и даже жизнь зависят от благоволения или не благоволения «тайных сил»» [44, с. 273]. Нужно обратить внимание на то, что «мистические герои играют главную роль в сказах П. П. Бажова, они таинственны, они завораживают, сталкиваясь с ними, попадаешь под их влияние, буквально впадаешь в состояние гипноза». Встреча с ними – это настоящее испытание для любого человека. «...Уральские сказы», – писал П. П. Бажов, – «что камешки в горе. Один копнешь – на целый занорыш наткнешься, – и такой, что цены ему не будет... Сказы не зря придуманы. Иные в покор, иные в наученье, а есть и такие, что вместо фонарика впереди».

Написав же уральские тайные сказы, «Бажов наделил регион полноценной мифологией», – считает доктор филологических наук, профессор М.А. Литовская, – «выведя происходящее в нем за пределы обозримой человеческой истории». И мифологические герои сказов П. П. Бажова будут будоражить воображение еще многие поколения читателей. Так как согласно утверждению философа, филолога и переводчика А. Ф. Лосева, мифологическое время «...есть нечто не временное, то есть вечное: парадокс времени в том, что оно не имеет конца, то есть бесконечно, следовательно – вечно».

Литература и интернет источники:

1. Автаев А.В. Традиционные мордовские языческие верования и влияние христианства // Диалог культур и цивилизаций. Материалы X Всероссийской научной конференции молодых историков. Тобольск: Изд-во ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2009. – 198 с. – [ISBN 5-85-944-130-4] – С. 7.

2. Бабка Синюшка. / Боги Славян. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bogislavyan.ru/babka-sinyushka/> (дата обращения 18.03.2017г.).
3. Бажов П.П. Публицистика, письма, дневники. / [Вступительная статья: М. А. Батин. "Творчество для народа"]. – Свердловск : Кн. изд-во, 1955. – 272 с., 1 л. портр. – С.196.
4. Березницкий С.В. Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды: коренные народы севера // «Словесница Искусств» : Региональный культурно-просветительский журнал| №1 (17) / Главный редактор Елена Глебова - Хабаровск, 2006 <http://www.slovoart.ru/node/1505> (дата обращения 15.02.2019г.).
5. Богомоллов С. Окрестности Полевского. – "Недвижимость" – Журнал : Специализированное информационно-рекламное издание. – Екатеринбург : ООО «Недвижимость», 2014|12
6. Борейко В. Е. Экологические традиции, религиозные воззрения славянских и других народов. / В. Е. Борейко Киевский эколого-культурный центр . – 2-е изд., доп. – Киев : Издательство Киевского эколого-культурного центра, 1998 . – 222 с. – (Природоохранная пропаганда ; 10) . - Библиогр. в конце гл. – [ISBN 966-9530253-0] - С.76,77.
7. Велецкая Н.Н. Символы славянского язычества. – Москва : Вече, 2009 – [ISBN:978-5-9533-2017-7] – Серия: Тайны Земли Русской – 320 с. – С. 8, 25.
8. Воронова В. «К вопросу об исследовании и анализе архетипа Хозяйки Медной горы из сказов П. П. Бажова». // Альманах "Архетипические исследования" – ежеквартальное научное издание / Редакционная коллегия : Ректор МУФО Гранд-доктор философии профессор Шанти П. Джаясекара; Доктор психологических наук профессор В. В. Лукоянов; Доктор филологических наук профессор А. Н. Иезуитов; Гранд-доктор философии профессор В. Е. Лебедько; Почетный Доктор психологии В.В. Зеленский; Доктор психологии Е. Г. Найденов; Доктор технических наук Гранд-доктор философии профессор Е. И. Боровков; дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт генерал-лейтенант В. В. Коваленок, ответственный редактор – Владислав Лебедько. – Международный

- университет фундаментального обучения (МУФО) / Оксфордская образовательная сеть – Кафедра Архетипических исследований при МУФО – Выпуск 8 (август) – Москва: ГАРДАРИКИ, 2013 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kafedramtai.ru/91-almanac-issue-8/concept/774-veronika-voronova-k-voprosu-ob-issledovanii-i-analize-arkhetipa-khozyajki-mednoj-gory-iz-skazov-p-p-bazhova> (дата обращения 28.06.2016г.).
9. Гаврилов Д. В. П. П. Бажов как историк // Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире: материалы межвузовской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П. П. Бажова, 28-29 января 2004 года. – Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2004. – 221 с. – С.53-59.
10. Герои Павла Бажова: миф или авторский вымысел? Архетипичность образов, придуманных знаменитым писателем. // Эксмо – литературный журнал. – Москва: «ЭКСМО» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://eksmo.ru/articles/geroi-pavla-bazhova-mif-ili-avtorskiy-vymysel-ID4417408/><https://eksmo.ru/articles/geroi-pavla-bazhova-mif-ili-avtorskiy-vymysel-ID4417408/> (дата обращения 05.01.2017г.).
11. Герои коми легенд и преданий : Ёма. / Проект "Культурная карта Республики Коми" реализован при финансовой поддержке общества М. А. Кастрена. // ГБУ РК "Национальная библиотека Республики Коми". [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://cultmap.nbrkomi.ru/ru/page/Folklor.Geroi_komi_legend_i_predanii.Yoma/ (дата обращения 17.12.2018г.).
12. Герои коми легенд и преданий : Зарань. / Проект "Культурная карта Республики Коми" реализован при финансовой поддержке общества М.А. Кастрена. // ГБУ РК "Национальная библиотека Республики Коми". [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://cultmap.nbrkomi.ru/ru/page/Folklor.Geroi_komi_legend_i_predanii.Zaran/ (дата обращения 17.12.2018г.).
13. Грен А.Н. Зырянская мифология. – Глава 5. Дуалистическая религия. // Коми му : полит-экономический и краеведческий журнал. – Усть – Сысьольск, 1925. | № 1. С. 23–33 [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

- http://zyrians.foto11.com/gren_mithology5-6 (дата обращения 20.12.2018г.).
14. Демин В. Н. Матриархальные и гиперборейские реминисценции в бажовской мифологии, уральских сказах и легендах Матриархальные и гиперборейские реминисценции в бажовской мифологии, уральских сказах и легендах. // Уральская Гиперборея. / В. Н. Демин. – Москва : Вече, 2010 (Казань : ПИК Идел-Пресс). – 314 с. : ил. – [ISBN 978-5-9533-4423-4] – Серия : Тайны земли русской. – С. 2, 12, 37, 39, 40.
 15. Древние мифы и легенды народов русского севера. // История Севера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sevprostor.ru/istorija/istorija/864-drevnie-mify-i-legendy-narodov-russkogo-severa-komi.html> (дата обращения 12.11.2018г.).
 16. Золотая баба. Тайны Северного Урала. | Троицко-Печорск. | Информационный сайт Троицко-Печорского района. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://trp.su/interesting/41/74/> (дата обращения 09.08.2013г.).
 17. Иванов А. В. Угорский архетип в демонологии сказов П. П. Бажова. // Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире: материалы межвузовской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П. П. Бажова, 28-29 января 2004 года. – Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2004. – 221 с. – С. 144-146, 148, 149.
 18. Иванов А. В. Message: Чусовая. / Алексей Иванов. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. – 478, [1] с. – [ISBN 978-5-91181-280-5] – С. 20, 75, 76.
 19. Коровин А. П. Старейшая нить краеведения. (К истории церковного краеведения на Урале) // Уральский родовед. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 3. – 124 с. – С. 94-105.
 20. Красноперов Н. Древние корни уральских сказов // Сказы Павла Бажова, уральские сказы, мифология Урала [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://estetico.me/posts/view/drevnie-korni-uralskih-skazov> (дата обращения 22.09.2016г.).
 21. Кривошеков И. Я. К вопросу об исчезновении Камской Чуди. Из доклада, изложенного в заседании Пермской Ученой Архивной Комиссии 3 февраля 1904 (черновой набросок) // Труды Пермской

- губернской ученой архивной комиссии, вып. 7 – Пермь :
Типография губернского правления, 1904. – 142 с. – С. 49-56.
22. Легенды и мифы о животных. / [сост. Часникова В. А.]. – [ISBN 978-5-227-05350-3] – Москва : Центрполиграф, 2014. – 414, [1] с. : ил. – С. 17, 37, 43.
23. Литовская М. А. Поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова. / П. П. Бажов — вчера, сегодня, завтра. К 135-летию со дня рождения Писателя. // Известия Уральского федерального университета : Журнал – Серия 2– Гуманитарные науки = Izvestia Ural federal university journal. Series 2, Humanities and arts / учредитель: Федеральное гос. автономное образовательное учреждение ВПО "Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина" / Редактор и корректор А. А. Макарова, Компьютерная верстка Л. А. Хухаревой – Екатеринбург : Уральский федеральный ун-т, 2014 – №2 (127) – 328с. – С.15.
24. Любушкин Андрей. Мифы и быль о Полюдовом камне. // «Таинственный Урал». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/media/tainyurala/mify-i-byl-o-poliudovom-kamne-59c09dd70c9b9775d661b635> (дата обращения 20.08.2018 г.).
25. Макеев М. С. Некоторые аспекты орнитоморфного образа в культовой металлопластике народов Сибири и Урала. // История и археология – Журнал о культуре и искусстве на Культурология. Ру – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : Некоторые аспекты орнитоморфного образа в культовой металлопластике народов Сибири и Урала. <https://kulturologia.ru/blogs/> (дата обращения 18.01.2018г.).
26. Мифология Коми... Мифы финно-угров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bookitut.ru/Mify-finno-ugrov.88.html> (дата обращения 07.12.2018г.).
27. Мифы Коми. Старинные легенды и предания древнего народа Коми. / Вселенная мифов Коми. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://worldshaman.ru/vselennaya-mifov-komi> (дата обращения 10.11.2018г.).
28. Мифология : Большая Российская энциклопедия / Гл. ред. Е. М. Мелетинский; Редкол.: С. С. Аверинцев и др.-

- [ISBN 5-85270-280-3] - Москва, 1998 - 736 с.: рис. - Справочные издания – С. 203.
29. Моисеенко Андрей. Тайна карельской Золотой Бабы – Славянская культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/archaeology/taina-karelskoi-zolotoi-baby.html> (дата обращения 30.09.2018г.).
30. Мудрова И. А. Словарь славянской мифологии / [сост. И. А. Мудрова]. – [ISBN 978-5-9524-4541-3] – Москва : Центрполиграф, 2010. – 338 с. : ил.
31. Нагина К. А. Миф об олене в русской литературе: сюжеты, мотивы, интерпретации. // Филологические записки : вестник литературоведения и языкознания. 2014–2015. – Вып. 32 / Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2015. – Ч. 1. – 2015. – 388 с. – [ISBN 978-5-9273-2302-9] – С.161.
32. Никулина М.П. Камень. Пещера. Гора / М. П. Никулина. – Екатеринбург : Банк культур. информ., 2002. – 119 с. – (Очерки истории Урала; Вып. 15). – [ISBN 5-7851-0001-0] – С. 3, 4,5, 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://knigogid.ru/books/325088-kamen-peschera-gora/toread> (дата обращения 13.02.2018г.).
33. Николаев А. А. Югория. // Историческая энциклопедия Сибири Историческая энциклопедия Сибири : [в 3 т.] / Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. – Новосибирск, 2009.
34. Новик Майя. Великий полоз и другие боги, в которых верили народы Урала. | сайт Русская семерка. / Главный редактор сайта В. Д. Ходарев – Издатель
35. ООО «Тура» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://russian7.ru/post/velikiy-poloz-i-drugie-bogi-v-kotorykh-v/?utm_referrer=https://zen.yandex.com(дата обращения 27.01.2019г.) .
36. Образы и прообразы в сказах Бажова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://natalyalakshmi.livejournal.com/28008.html> (дата обращения 23.05.2018г.).

37. Олень – зверь Родов и Велесов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.liveinternet.ru/users/ftg/post169972809> (дата обращения 14.02.2019г.).
38. Петрухин В. Я. Изобразительный мир древних финно-угров : наскальные рисунки, идолы, «звериный» стиль. // В. Петрухин. Мифы финно-угров. – Москва : Астрель, АСТ, 2005. – 465с. – Серия: Мифы народов мира. – С.8, 17, 18.
39. Полевичек Е. К. Личная библиотека П. П. Бажова. // Бажовский сборник. Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П. П. Бажова, 28-29 января 2004 г. Екатеринбург, 2004. – 224 с. – С. 219–221.
40. Рушева М.А. Образы Месопотамии в уральских сказах Бажова. // Сборник. Месопотамия. Древняя картография. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.proza.ru/2017/05/04/901> (19.10.2017г.).
41. Славянский Бог Ящер – чудовищный Змей или что-то иное? // Славяне : сборник славянских знаний. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://славяне.сайт/yasher/> (дата обращения 12.11.2017г.).
42. Скорино Л.И. Сын трудового Урала (предисловие). // П.П. Бажов Малахитовая шкатулка – Москва : Художественная литература, 1990 – 304с. – Серия: Классики и современники. Советская литература – [ISBN: 5-280-01119-3] – С. 7, 12.
43. Хозяйка Медной горы. / "Киржач-online" – 7 февраля 2016 <https://www.ok.ru/kirzhach.online/topic/65031698470368> (дата обращения 15.01.2019г.).
44. Швабауэр Н.А. Хтоническая природа образов животных в сказах Бажова / Н.А. Швабауэр // Известия Уральского государственного университета – научный журнал. / учредитель: Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Уральский гос. ун-т им А. М. Горького". – Екатеринбург : УрГУ, 2003 – № 28 – С.24-30.
45. Швабауэр Н. А. Типология фантастических персонажей в фольклоре горнорабочих Западной Европы и России : диссертация

... кандидата филологических наук : 10.01.09. – Челябинск, 2002. – 273 с. – С. 273.

46. Шуклин В. В. Русский мифологический словарь. / В. Шуклин. – Екатеринбург : Уральское изд-во, 2001. – 384 с. : ил. – [ISBN 5-93667-010-4] – Серия Золотое яблоко. – Б. ц.

47. Шумков О. А. Самоцвет. // Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове. / Составитель Стариков В. А., Редакторы В. П. Балашов, Р. И. Винонен, художник Б. Н. Чупрыгин – Москва : "Советский писатель", 1978 – 592 с..

Энциклопедия уральских мифологий. – Т. I. – Мифология коми. / Под ред.: А.Л. Сиикала, В.В. Напольских, М. Хоппал. Руководитель авторского коллектива Н.Д. Конаков. – Москва – Сыктывкар : ДиК, 1999. – 480 с. : ил., карт. – С. 4.

Список сокращений

- АТИ** завод – Асботехнических изделий завод
- ГААОСО** - Государственный архив административных организаций Свердловской области
- ГАПК** – Государственный архив Пермского края
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области
- ЖБИ** завод – Железобетонных изделий завод
- КЖУ** – Коммунально-жилищное управление
- КПСС** – Коммунистическая партия Советского Союза
- КУМЗ** - Каменск-Уральский металлургический завод
- КУТТС** - Каменск-Уральский техникум торговли и сервиса
- МБУК** – Муниципальное Бюджетное учреждение культуры
- МУФО** - Международный университет фундаментального обучения
- ПГВ** – Пермские губернские новости
- РАЕН** - Российская академия естественных наук
- РОР и К** – Рефтинское объединение родословцев и краеведов
- СОУНБ им. В. Г. Белинского** – Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского
- СССР** – Союз Советских Социалистических Республик
- УГО** - Уральское генеалогическое общество
- УИРО** - Уральское историко-родословное общество
- УОЛЕ** – Уральское общество любителей естествознания
- ЦБС** – Централизованная библиотечная система
- ЦГБ** – Центральная городская библиотека
- ЦК КПСС** – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

Содержание

От составителей.....	3
Сведения об авторах.....	4
Н. А. Бархатова	
Кровные связи с Отечеством в творчестве А. И. Чечулина.....	5
В. Н. Рубцов	
По следам предков: хроника событий с 1700 до 1885 г.....	12
А. К. Тебелева	
« ...асбест, Куделька, прииски...»: к 130-летию со времен освоения и начала разработки Баженовского месторождения.....	19
Ю. М. Сухарев	
Рефтинские золотые прииски начала XX века глазами Маргариты Имшенецкой.....	25
А. В. Жиганова	
Наивное искусство Нины Ивановны Варфоломеевой.....	38
О. Л. Тарасова, Т. С. Чечвий	
Литературная жизнь Березовского.....	43
О. Ю. Макарова	
Образы героев мифов и легенд в сказках П. П. Бажова.....	45
Список сокращений.....	77
Содержание.....	78